

A hedgehog with a white belly and brown spines is shown in mid-air, flying towards the left. The background features a bright blue sky with soft, yellowish clouds. Several pterosaurs are flying in the upper right corner. Below the hedgehog, there are stylized, colorful mountains in shades of blue, purple, and orange. The overall scene is vibrant and fantastical.

Разница Полина

Полёт в
Эгвекино!

Полина Разницина
Полет в Эгвекино

«Автор»

2024

Разница П. М.

Полет в Эгвекиот / П. М. Разница — «Автор», 2024

Книга, написанная в жанре художественной литературы по мотивам реальных событий со значимой долей приукрашивания, лжи, клеветы и прочих радостей жизни. Все имена персонажей вымышлены, все персонажи исковерканы. Книга будет интересна для узкого круга читателей, обучавшихся с автором или учащихся на данный момент в одном Лицее.

© Разница П. М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Знакомства.	8
Глава 2. Но адекватность не наступила	14
Глава 3. Свита	17
Глава 4. Нечесть и экзорцизм	21
Глава 5. Первый день лицеиста.	24
Глава 6. Допы	28
Глава 7. Прощай, Тяпа	31
Глава 8. Слова-паразиты	34
Глава 9. Ударная любовь	38
Глава 10. Новый год на новой квартире.	43
Глава 11. Календарь	46
Глава 12. Кузнечик	50
Глава 13. Николай Васильевич меняет профессию, или до чего доводит биология	55
Глава 14. Дрессировка страйкболистов, или Алеша под прицелом.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Полина Разница Полет в Эгвекино

Посвящение: посвящается не Ему.)

Добрая половина того, что здесь написано – бред сумасшедшего. Пусть будет в лучших традициях творческих врунишек: «по мотивам реальных событий», но ни в коем случае не документально!

Эта работа – благодарность тому, что со мной случилось..., а больше тем кто. Вы для меня навсегда иррациональны и многозначны – Лицей!

Внимание!!!

Автор тяжело болен словоблудием и порой блудит так, что сам потом с трудом вспоминает, что хотел донести. Не рекомендуется к прочтению людям хронически кислородным, страдающим консерватизмом, недосыпом, недоеданием и несчастьем и, вообще, всем страдающим.

Минздрав предупреждает: страдание вызывает привыкание!

Минздрав предупреждает: страдание убивает!

Говорят, долгое «дуракавание» делает из человека обезьяну (метод наблюдения позволяет развить данную гипотезу до теории, имеющей экспериментальное подтверждение). А долгое пребывание в школе – ежа. Колючего такого и совершенно серого. Бегаешь потом и шипишь «фыр-фыр-фыр», а на любое прикосновение реагируешь иголкой в глаз. Нет-нет, ежи не выбрасывают иголки, мне вас не одурочить! Зато выбрасывают дикобразы, и раз человек способен, противореча теории Дарвина, обратиться ежом, то почему бы ему не перенять некоторые полезные навыки и у других животных, когда того требуют обстоятельства. Стать ежом несложно. Можешь не хотеть, но «кто кого переживет, тот и докажет, кто был прав, когда припрут». Так вот, эта история об обратном – об «эволюции ежа в человека» и о ее сложностях. Но, как труд облагородил дриопитека (долгий, мучительный процесс, когда как обращение в животное, причем совершенно любое, происходит мгновенно), так искренность преображает гадюку, честность – лисицу, общение – молчаливую рыбу, а ласка и забота ежика-мутанта обратно в человека, и только козла, осла и барана не берет ничто.

P.s.: С Барсами все не так однозначно, но сильно размахивать обручем я бы не рекомендовала. Коты – они вообще...

Часть 1. 9 класс.

«Девятый «А» – классный руководитель Барсиков Николай Васильевич!» На сцену поднимается мужичок среднего возраста. Высокий, прямой, в синей безрукавочке, белой глаженной рубашечке, брючках и черных «накрахмаленных» ботиночках. Улыбается. Улыбается самоуверенно. Башка вертится в разные стороны, что парус на мачте, – спасибо не кланяется. Тьфу, артист – мамина радость, папина сладость! Да, не так я себе его представляла.

«Девятый «Б» – Вознесенская Евгения Александровна!» Ага – это наша. Тоже образец добросовестности и порядочности... с первого взгляда. Ручки вместе, что-то говорит о

«Мифическом Лицейском братстве», вся такая...аккуратная. В общем, ничего нового. Очередная шаражка – очередной «второй дом»...

Поворачиваю голову. Смотрю на Яну. Яна, как чувствует, оборачивается на меня. Жаль, что в разных классах. С ней мы познакомились еще в прошлом году, на курсах, когда вместе готовились поступать. Ну, как готовились. Яна – да, а я все больше ее отвлекала. Однако, худо-бедно, криво-косо, мы обе тут. Яну взял к себе Николай Васильевич, в простонародье – Барс. И все бы ничего, но эта коза мне просто плешь проела:

– ...Раньше брата моего учил! Он таааакой крутой!!! И его Все боятся! В прошлом году парня с телефоном поймал – сразу в окно выкинул!..

– Парня?!

– Боже упаси! Телефон!

– Слабак! Принципиальность – признак отсутствия критического мышления, но еще не диагноз. Принципиальность показная – вот это уже не лечится.

Впрочем, я покривила душой. В старой школе верх активности в отношении учеников проявляла моя, тогда уже бывшая, классная руководительница: на девятое мая высылала в группу класса длиннющие тексты, призывающие подростков ненавидеть немцев за то, что последних «нарожали фашисты» и «эти выродки до сих пор пытаются извиниться, но мы их не простим. Мы – Патриоты!»

Еще, конечно, наша милая дама шпыняла нескольких моих «чрезмерно худых», по ее мнению, одноклассниц за наркотики, регулярно обзванивая их родителей, и даже мне как-то перепало за то, что я занималась «руфингом».

Впервые услышав:

– Варя, скажи честно. Ты «руфистка»? – я выпала в осадок.

– Кто?

– Руфисты – по крышам прыгают.

Я задумалась. В «Векторе» парень здорово крутил сальто с небоскреба на небоскреб, и выглядело это, конечно, завораживающе. Да и чем я не «руфистка»? Не давеча, как месяц назад в деревне с местными мальчишками облазила все соседские крыши – продавили парник и даже почти сбежали, но были пойманы охранником, а с ним овчарка...В общем, решили, что отвага – удел слабоумных, и сдались добровольно.

Оказаться «руфисткой» откровенно хотелось. Нечасто увидишь семиклассницу-паркурщицу, разрезающую, скажем, в черной косухе, узких джинсах (обязательно с дырками на коленках, а под ними пусть будут колготки в сеточку!), в каких-нибудь Ну Очень Крутых Кроссовках (к сожалению, популярных обувных марок я не знала, но знала, что Ну Очень Крутых!!!), всю в татуировках (положим, прячу их под одеждой), и, конечно, с ярко-голубыми волосами, как у Вики!..

Видимо, идея «руфизма» так мне понравилась, и я столь горячо убеждала свою глубоконеуважаемую классную руководительницу в собственной к нему причастности, что она даже не удосужилась позвонить маме и поделиться ужасающими подозрениями. Зря. Мама оценила бы...

Конечно, после известного опыта, перспектива знакомства с «чудиком», с Яниных слов казавшимся довольно эксцентричным в справедливой, пусть и чрезмерной, принципиальности (а не в действиях, вызывающих невольное сочувствие, смешанное с желанием подарить сертификат на лечение в психбольнице), прельщала. А Яна... пусть лучше думает, что таким меня не удивить.

...– Так вот, мама договорилась, и я теперь в его классе. Выходит, мы в параллели... Ты не расстроена, Варь?

– Да мне вообще кристаллически.., – значит, очень расстроена.

И после такой крепкой рекомендации на сцену выходит Этот. Да, не так я представляла Барса... Какой уж тут Барс – Барсик...

Глава 1. Знакомства.

«Спасибо за нечаянную встречу, которой повториться не дано» ;)

Владимир Бобров

«Несколько месяцев ходить на дополнительные занятия и выжить. Программа «сдохни или умри» объявляется открытой. Как не поступить, когда мама очень хочет? Где получить справку об отсутствии мозга? И все же учиться...а если жениться?» – разве кто-то способен думать на уроке физики, тем более дополнительном, о чем-то ином? Не учите, не хочу. Учиться – тоже. Кого я обманываю – поступлю. Когда хочет моя мама – остальные перехотят. И все же неясно одно – как убить время? Меня не разжалобить – тарашь не тарашь зенки, если бы знала, как, чтоб быстро и безболезненно – главное быстро.., но ведь время, сволочь, когда не надо, живучее, точно веселая компания из песенки – «ядовитого порошка не напасешься».

Оглядываюсь. Пишут, писари. Ну пишите, пишите. Правда, не все. На задних партах нечто интересное, но, как, впрочем, и всегда – хорошо там, где нас нет...Проклятые идеалистические идеи: «На этот раз буду слушать!» – опять те же грабли, уже родные окно и урна: в одно плюнь, в другую – попади.

Мой взгляд привычно возвращается к первой парте в левом ряду, и я, большая любительница до всего красивого, мечтательно вздыхаю. И правда, совсем как овечка – маленькая, худенькая, длинные светло-русые волосы и эти сумасшедшие завитушки – полгода смотрю на них – никак не налюбуюсь. Странно, что за прошедшие несколько месяцев я так и не подошла познакомиться – мне несвойственно. Но что-то останавливает. К тому же, здорово придумывать образ этой девочки, такой воздушный, сказочный...

Скорее бы звонок...И раз...и два...и три...И... тишина. И раз...И два...

Долгожданная мелодия – сладкий нектар для опухшего детского мозга! Я молниеносно сметаю в портфель все, что попадает под руку – неважно, дома разберусь! «Домой! Домой! Южные красавицы, утрите слезу!»... вот только портфель срывается с крючка: по полу скачут ручки, колпачки...откуда у меня замазка..?

– Привет... – вы выбрали отличный момент, чтобы познакомиться, мисс «Кучеряшка»!

И понеслось! Врать не буду – что происходило дальше и как мы разобщались – не помню. Зато помню, что вскоре к нам прибился Тяпа – персонаж проходной и примечательный лишь безответной влюбленностью в Яну. Яна...Первое время я была совершенно очарована новой знакомой. Никогда еще никто не общался со мной на равных, словно цель общения не унижить другого, не возвысить себя над собеседником, а...что? Это мне пока оставалось не понятно, но на подсознательном уровне нравилось, а потому нравилась и сама Яна с ее кучерявой шевелюрой и непривычно-ответственным подходом к учебе: Яна записывала то, что решали у доски и иногда даже слушала. В общем, на следующий же день, я переехала в левый ряд и прочно там обосновалась. Теперь мучения на уроках можно было назвать оправданными. Градус страданий стремительно понижался. На занятиях я общалась с новой знакомой, мы

вместе жевали морковку и яблоки, а перемены разбавлял Тяпа. Меня крайне веселило то, как он всеми силами делал вид, будто Яна ему совершенно неинтересна, разве что как друг, а Яна в свою очередь изображала из себя святую наивность, «полагая», что так оно и есть.

По мере того как я узнавала Яну, а она меня, естественным образом происходил обмен сокровенным – «грязным бельем». Трупов в моих шкафах оказалось столько, что запах мертвечины долго скрывать не удалось... В первую очередь, прощупав почву и выяснив, что новая знакомая куда слабее, причем как физически, так и морально, я начала давить. Это не было целенаправленное унижение. Это был рефлекс. За годы общения, предшествующие нашей встрече, я уяснила одно – у любого разговора есть цель, и если это разговор дружеский, то его цель – обидеть.

Яна никогда не указывала мне на недостатки. Ей вообще будто бы и не было до них дела. Тогда это удивляло. Я попала в непривычное положение и судорожно искала выход. Впрочем, он нашелся сам. Раз не обижают меня – обижать буду я.

Надо сказать, поначалу я не понимала, что делаю, когда мимоходом пыталась задеть Яну. Натура «воздушная», немного «не от мира сего», она делилась со мной своими идеями, показывала стихотворения и рассказы, а я высмеивала их, не допуская открытой грубости, и все-таки подразумевая укол в каждом слове. Но удивительно – ничто ее не задевало. Она была выше этого.

Она писала мне стихи. Я их храню.

«Девочка, которая смотрит на ворон». Тогда меня знатно повеселила эта фраза. Я вцепилась в нее, как бульдог в ненавистную шею:

– Ну что? – спрашивала Яна, готовясь выслушать замечания и принять любую критику, но все же надеясь на похвалу. В нашей дружбе быстро наметился лидер – я, что здорово льстило самолюбию. Хвалить Яну было нельзя. Никогда. Хвалить ее – значило признавать за ней место в «поэзии». Единственным и главным поэтом должна была быть я.

– Как тебе сказать, – (драматическая пауза и тень пренебрежения на лице), – Не бог весть что... «девочка, которая смотрит на ворон»? Выбивается из ритма! Почему не «девочка, смотрящая на ворон»? И потом, причем здесь это? К чему тут вороны? Почему не сороки?

А все же тогда она точно подметила. Я и есть девочка, смотрящая на ворон. Считающая их и обсчитывающаяся...

Но вернемся к нашим Баранам, Барсикам и прочим млекопитающим. Итак, начало учебного года – все шуруем по кабинетам, так сказал директор и пора бы познакомиться с собратьями по несчастью. На весь класс «Б» пять девочек... физмат лицей. В новой тогда еще школе, шаражке, конторе клинических отмороженных идиотов и просто болванов, я впервые. А премьерный выход на сцену либо повальный, либо провальный, и при виде меня повалит всех! Я (как обычно) стану загадочной и прекрасной, строгой и неприступной! Буду всегда сидеть за первой партой, записывать все-все-все, и все-все-все знать, и ни с кем, никогда, ни при каких условиях не заговорю! Каждая собака, глядя на меня, будет думать: «Интересно, что же творится в этой умной, молчаливой голове?!»

Надо сказать, оставаться молчаливой этой «умной голове» оказалось непросто. Скрепя зубы, она держалась уже четвертый урок, тихо ненавидела первую парту, красивую новенькую тетрадку по физике и не менее красивую синюю ручку с желтым утенком на колпачке. Голова упрямо косила правым глазом в сторону портфеля, где лежали тетрадь со стихами и альбом с рисунками, в то время как левый начинал понемногу подергиваться при слове «вектор», а синяя ручка, игнорируя команды мозга, выводила на полях большеглазые рожицы. Потому, когда прозвенел звонок, я тут же вывалила на стол художественные принадлежности. Для полного счастья не хватало удовлетворить настойчивый зуд языка, требовавшего, чтобы его срочно почесали о какой-нибудь, уже совершенно не важно какой, разговор. И тогда, о чудо, на горизонте возникла светловолосая макушка, серьезные синие глаза... Вернее, глаза-то были голубые, как могло показаться и, скорее всего, и показалось мне тогда. Позже я имела возможность хорошо их изучить – эти Самые Синие На Свете Глаза. Настолько синие, что, если бы сама не видела, решила бы: такие бывают только на картинках, но сверху синеву покрывала паутинка небесно-голубых прожилок-завитков. Не знаю, правильно ли считать, что глаза – зеркало души, но убеждена, что, когда ближе узнаешь человека, мелочи полюбоившегося образа обретают особое значение. Никогда больше мне не доводилось встречать такого безукоризненного спокойствия во взгляде, такого и так много: пожалуй, при желании, его можно было черпать и раздавать нуждающимся. В этих глазах можно было находить уверенность, которой у меня никогда не хватало... Сегодня я знаю, как они выглядят, когда усталые и безжизненные. Мне неизвестен и, как выяснилось, никогда не был известен наверняка способ заставить кого-то быть счастливым. Но нет ничего страшнее, чем смотреть, как плохо человеку, которого ты чувствуешь достаточно хорошо для того, чтобы ощутить его боль, но недостаточно для того, чтобы помочь.

Так вот тогда белокурая макушка Алисы только-только замаячила на горизонте, а я уже спинным мозгом понимала, что моя забастовка этому миру окончена, и гори оно все синим пламенем, поближе придвинула к себе альбом и принялась усердно исправлять безукоризненно кривые ноги кентавра. Главное – не поднимать голову и делать вид, что мне нет никакого дела. Ничего личного: занавес не опущен – спектакль идет!

– Красиво!

Еще бы не красиво! Мне купили спиртовые маркеры, и теперь я рисую в цвете! Заметьте, рисую не абы что! Кентавра!

– А я тоже рисую. По-моему, у тебя здорово выходит!

Вот не дай Бог лучше меня. Мысленно я уже приготовилась вступить в соревнование, прекрасно понимая, что не имеет значения, у кого как получается. Здесь главное – что-то другое... Какой-то авторитет в классе, поддержка «правлящей верхушки», которая пока еще не выбрана. Ну и... не остаться изгоем. Лишний вес и непримечательное лицо в купе с маленьким ростом значительно увеличивали мои шансы, а вакансия пустовала. Занимать эту нишу совсем не хотелось. Изгой – такой же обязательный персонаж, как дурак в колоде, и, когда он появится, я должна оказаться на другой стороне.

Я на опыте знала, прибиться к обществу какой-нибудь симпатичной девчонки – выход. Другое дело, что меня никогда не устраивало нахождение в тени, выйти из которой нельзя. И все-таки, правило необходимого номера гласило – из двух зол выбирать меньшее. Но начать «шестерить» никогда не поздно. И пока я рассчитывала выбиться в свет.

– Да? Как здорово! Покажешь? – если у меня получается лучше – возможно, она уже почувствовала мой авторитет, – прости, не запомнила, как тебя зовут?

– Алиса. А ты Варя, правильно? – скорее утверждение, чем вопрос, но я киваю, – можно, к тебе пересяду? Заодно и рисунки посмотришь.

Она рисовала лучше. Это был полный провал. Симпатичная, к тому же такая одаренная девочка. Я начинала готовиться к худшему. Однако, вот что странно, Алиса с интересом изучила мои каракули, но не произнесла ни слова. И у меня язык не повернулся критиковать в ответ.

В отличие от Яны разговорить новую знакомую во время занятия не удалось. Она реагировала на мою болтовню, но как-то мягко и отвлеченно, продолжая записывать все, что говорил учитель. Под конец урока я окончательно расслабилась. Почему-то у меня сложилось стойкое ощущение, что от Алисы не стоило ждать подвоха. Слишком много в ней было спокойной честности и уверенности.

Алиса все больше молчала и слушала, не стремясь рассказать что-либо о себе. Меня это устраивало. Я без умолку трещала, посвящая ее во все возможные секреты и «страшные тайны». Она мне определенно нравилась, нравилась искренне, совсем как Яна. Где-то в глубине души я понимала, что это другие отношения, противоположные тем, что остались в старой школе.

В Алисе чувствовалась непонятная сила, перед которой я проявляла странный трепет. Эта девочка никогда не позволяла себе грубости, была очень сдержана и рассудительна, а я в свою очередь даже не пыталась самоутвердиться за ее счет, не столько из-за каких-то высокоморальных принципов, сколько потому, что чувствовала – не удастся. Когда Алиса говорила (короткими предложениями, только по делу), то всегда медленно, расставляя слова, в отличие от нас с Яной, трещавших без умолку, не особо задумываясь о том, каким образом собеседник должен улавливать смысл, тем более если речь заходила о чем-то интересном.

В Алисе было прекрасно все, вот только с ней не было весело. И она меня не боготворила. Алиса всегда с любопытством разглядывала мои рисунки и читала стихотворения, хвалила их независимо от того, оказывались ли они хороши, но она меня не боготворила. А Яна боготворила. Потому на уроках я сидела с Алисой, а на переменах приходила к Яне – побегать по коридорам, пожевать морковки и обмениваться стихами.

А потом случился Барс.

Не познакомиться с ним шансов не было ни у кого из всего девятого «А» и «Б». У «Ашек» он стал классным руководителем, из-за чего некоторые ученики поспешно собрали документы и, пока не запахло жареным, эвакуировались к «Вэшкам» и «Гэшкам». Не знаю уж, спасло ли их это, ведь, как известно, Барс – хищник и предпочитает охотиться за тем, что движется, но все может быть. В конце концов, спорный вопрос – стоит ли убегать, оказавшись в клетке с Барсом. С одной стороны, – дверь открыта – беги не хочу. С другой, он бежит быстрее, если только не споткнется. С третьей – оставаться сидеть и уповать на то, что тебя не скушают, потому что ты дурно пахнешь, а мало ли в лесу кроликов, тоже неразумно. Кто знает, какой

у него аппетит, как долго он не ел и охота ли ему носиться за ловким и шустрым выводком, когда прямо под носом развалилось такое чудесное лениво-ушастое нечто.

Я с Барсом знакомиться не планировала и упрямо не знакомилась. Поэтому он случился.

Тогда никто мне почему-то не сказал, что Барс ест исключительно конфеты, что детские кости он не усваивает, а от их мозгов и вовсе хиреет, и что ужинает Барс валерьянкой, пытаясь не сойти с ума окончательно. Не знала я и того, как точно охарактеризовала его в первый день нашей встречи. На самом деле, Барс был Барсиком, вот только мы этого не видели, так грозно он рычал и лязгал зубами.

И тем не менее при второй нашей встрече я напряглась. На алгебре мы с Алисой сели за первую парту перед самым носом учителя, который, время от времени постукивал пальцами по столу, ни на кого, впрочем, особо внимания не обращая, но нет-нет, а все-таки окидывая взглядом присутствующих. Позднее я вывела некоторую закономерность, состоящую в том, что на переменах Барс как бы «растворялся». Это не обязательно означало, что он куда-то ушел. Напротив, он вполне мог оставаться в кабинете, но сам ни с кем разговора не заводил, если к нему не обращались, и благополучно ковырялся в телефоне или же наблюдал за происходящим, а порой и вовсе совмещал эти два занятия, что у него неплохо получалось. Более того, я выяснила, что, чтобы привлечь внимание Барса, хватало негромко шепнуть пару слов соседу. Тогда краем глаза можно было заметить, как за вами наблюдают. И в такие разговоры Барс нередко встревал, выдавая себя с потрохами. Нарочито громкие пересуды он, напротив, игнорировал. Не думаю, будто учитель действительно их не слышал, но подозреваю, что не вслушивался, потому как считал недостойными своего внимания, понимая, на кого они рассчитаны. Так что, если вы однажды повстречаете Барса, знайте: Барс не врет, когда хвастается хорошим слухом, однако обмусолить при нем секрет с подружкой тоже можно – достаточно говорить громко. Он любопытен.

Прежде чем я перейду к описанию непосредственно моего знакомства с Барсом, дам вам рекомендацию подружиться с этим непростым персонажем. И даже не столько в целях выживания (не всегда Барс такой уж Барсик. Он – Оборотень! Полагаю, каждое полнолуние наш учитель исправно воет на луну, но, увы, сама спросить стесняюсь (боюсь) – свечку не держала. За компромат выложу кругленькую сумму (если на громкий крик о помощи не отзовусь – пишите в Спортлото). При виде «раздражителя» Барс вырастает в размерах и становится по-настоящему опасным. О том, кто такие «раздражители», читать дальше) ... А еще Барс – всего-навсего хороший человек, хотя и не без причуд. Это действительно «всего-навсего». Хороших людей, я убеждена, как грязи. И они же плохие. А Барс все равно уникальный, хотя бы для меня. Разве «хорошие» бывают не уникальными? Не бывают. Разве тогда Барс не обычный? Нет, он удивительно необычный.

Итак, краткий курс выживания при встрече с Барсом, или как повстречать – таки Барсика:

Первое и самое главное – не быть раздражителем. Раздражитель – субъект, который, когда попадает в поле зрения Барса, вызывает у последнего неконтролируемые приступы агрессии, выражающиеся в самопроизвольном выпускании клыков, когтей и их непосредственном приложении к шее жертвы. Как не быть раздражителем? Все довольно просто – не раздражать. За годы сосуществования с Барсом я выявила у него аллергию на подлость и различные червоточины, а также на некоторый непредсказуемый набор аллергенов, носящих кодовое имя «не сжились тараканами». Причем, чувствует он их хорошо и издалека и сразу начинает чесаться и покрываться сыпью, что ему, конечно, совершенно не нравится, в результате чего становится довольно агрессивным и может «потрапезничать» носителем аллергена.

Второе, почти такое же важное, как и первое, избыток которого не оставляет шанса на выживание в сафари имени Барсикова, но оставляющее надежду, что вас прикончат беззлбно и просто потому, что так надо – чрезмерное безделье. Тут вопрос принципа. Не стоит

забывать, что чтобы я не писала, однако Барс в первую очередь хороший человек и не менее хороший учитель. Так вот, первое не дает ему быть плохим учителем, а второе завышать оценки ученикам.

Собственно, выполнения этих двух условий вполне достаточно для того, чтобы выжить. Теперь о насущном. Как же подружиться с Барсом? На самом деле, все на столько просто, что ответа на этот вопрос у меня нет. И еще я до чертиков хочу остаться, в своем роде, уникальной занозой в заднице, а потому, господа, рекомендую метод осознанного тыка: осознаете, куда тыкнуть, чтоб торкнуло, и смело выкаете что-нибудь претензионное. Если не рванет – запишет в саперы.

Однако вернемся ко второй встрече – к знакомству с Барсом. Барс «проявился» внезапно. Прозвенел звонок, он встал со стула, подошел к доске, указал на стопку бумаги, лежащую на первой парте и сказал:

– Граждане! Рассаживаемся и берем листочки. Сейчас вы будете писать входную контрольную работу!

Здрасьте – приплыли. А вернее, нет тебе ни «здрасьте», ни «до свидания», ни «меня зовут», ни «а вас как», ни даже банального «сделайте из бумаги таблички, напишите на них ваши ФИО и поставьте на парты». Первый урок алгебры, который начинается с контрольной. И что мы по-вашему должны знать после лета?

Следующие полтора часа прошли как в тумане. Я тщетно пыталась вспомнить формулу дискриминанта, но вместо нее вспомнила последний куплет песни Чайфов «Так спой мне песню про любовь» и подумала, что сейчас и не такое спою, но как-то не до песен. В голове упорно крутилось:

Так спой мне песню про любовь,

Ту, что тогда ты написал.

С тех пор немало спето разных слов,

Я лучше песни и не знал.

Дискриминант отсутствовал. И в песне, и в голове. Не сумев заглушить незапланированный концерт, я мысленно взмолилась: «Хотя бы потише!», и Мишуки заботливо подсказали: «Тихая мелодия, что еще нужно...»

И тут меня осенило! $D=4ac$!

Так работа была сделана и сдана. Фигуры Барса и Николая Васильевича в моем мире все еще обитали в разных параллелях, но «безобидная ромашка» стремительно обрастала шипами, да и вообще на цветочек походила все меньше...

До истинной премьеры образа Николая Васильевича – Барса оставался один день.

Глава 2. Но адекватность не наступила

«Я в дверях поставлю пулемет, заряджу я новенькую ленту и тогда спокойно объясню свойство возрастания экспоненты...»

Николай Васильевич, кто автор?

– Граждане, ну, когда уже наступит адекватность?! Нет, вы не понимаете! Никто! Никуда! Не проскочит!

– Он проверил! Проверил! Я говорила! – орать надо, набрав побольше воздуха в легкие, что есть мочи, ведь любая провокация должна быть услышана.

По правде, провокацией «это» назвать сложно. Всего лишь игра: ты исполняешь роль дебошира и злостного нарушителя порядка (было бы что нарушать), а Он, по настроению: может сделать ответный ход, а может – не сделать. Есть еще третий вариант развития событий – перегнуть палку и схлопотать получившейся оглоблей по хребтине. Но что если не поиск баланса на грани между жизнью и смертью – самое завораживающее в профессии эквилибриста?

– Стасенков! Это что опять за «понты»? «Единица»!

Ого! Сегодня начинаем с единичек и (о боги, боги мои) топ открываю не я! Даже немного грустно... Ладно-ладно, без нас пока ни один достойный шабаш не обходился. В чудеса мне еще верится, а вот в «тройки» с первого раза – увольте..!

Стасенков медленно поднимает голову, потягивается, привычно оценивает обстановку, понимает, что Барс загорает где-то в тропических джунглях и охотиться в холодной Москве не планирует, лениво протягивает:

– Опаять... ну я перепишу, господи ты боже... сколько можно, вы же знаете, я не исправлюсь и...

– И не опять, а снова!

Из горла Стасенкова выползают странные звуки и вздохи египетской Клеопатры, уставшей от назойливого внимания поклонников, расползаются по парте. «Молилась ли ты на ночь, Дездемона, – думаю я. – Молилась – не молилась – сегодня пронесет... Во всяком случае, должно.»

– Нет! Ты не понимаешь, Стасенков! Как бы тебе сказать, твои «понты»...

Как грели душу и ласкали слух эти до боли родные сцены. Барс орет, класс шумит, значит, все пока стабильно, а стабильность – это хорошо, это значит: все у нас в порядке. В порядке вещей отсутствие адекватности и воззвания к ней, перекрикивания и гам, недовольство учителей в соседних кабинетах. У Барса никогда не было тихо. Даже на контрольных. Вот что мне нравилось с самого начала.

Однако, гражданин-товарищ-читатель, если вы думаете, будто никто не боялся Николая Васильевича с первого же дня – вы ошибаетесь. После входной контрольной я узнала достаточное количество новых афоризмов и метафор и, глубоко впечатлившись разговорными изысками Барса, пришла к выводу: хотя учеба в мои планы и не входит, чтобы там не вещал этот дяденька в синенькой безрукавочке, и он определенно меня пугает, но скучно не будет.

Сразу же оговорюсь, осознание, что Барс не столько действительно сердится, сколько любит поговорить, приходило долго, и поначалу я искренне считала, что обещания «уронить на нас плиту», «прикопать всех в одну братскую могилу» и умертвить прочими интересными способами, – не то чтобы, план действий, но некий душевный позыв, и с непривычки, честно зарывала голову в песок, притворяясь страусом.

Ругался Барс долго. Часы уходили на то, чтобы он мог выговориться насчет каждого из нас по отдельности. Но я забегаю вперед. Вернемся к тому, на чем остановились, а именно в начало девятого класса, ко второму уроку алгебры.

Перемена. Барс мирно дремлет на своем посту, изредка постукивая хвостом по полу. Оценки не сообщает, эмоций не выражает. На вопрос: «Вы проверили?» отвечает: «Проверил.» Большого из него не вытянешь. Стало быть, на уроке все и скажет. Я к тому времени уже прочно прилепилась к Алисе и всегда сидела с ней за одной партой. Вот и теперь мы, как настоящий дружеский дуэт неисправимой отличницы и ее придатка, устроились перед самым носом Николая Васильевича и, должно быть, о чем-то болтали, когда прозвенел звонок.

Барс медленно поднялся со стула, подошел ко входу в класс и закрыл дверь. Пути к отступлению были отрублены, но тогда я этого еще не понимала. Хорошо, что открытые окна не привлекли моего внимания, не то, кто знает, быть может, я бы попыталась эвакуироваться вне очереди.

– Ну что, граждане. Начнем мы с худших. Итак, ноль с минусом...

В голове болезненно щелкнуло: «Это вообще что? Это вообще как? Оценки ниже двойки не бывает...» Бывает.

– Такс, где у нас Куликова Варечка?

Ну вот и чудненько, ну вот и познакомимся...

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что самыми страшными в Барсе были голос и выражение лица. Не помню, что он кричал, но кажется что-то обидное. Зато отлично помню, как испугалась. Обычно я не плакала, тем более, когда меня ругали, предпочитая вместо этого делать непроницаемое лицо и напрочь игнорировать «врага». Не вышло. Не то чтобы я слушала, какую там мысль пытался донести до меня Барс, но доносил он ее на такой громкости, что не расслышать оказалось тяжело. В моей голове происходящее выглядело примерно так: надо мной нависала огромная фигура (хотя нависала она вовсе не надо мной, а маячила где-то в центре класса у доски), и вот эта фигура все раздувалась и раздувалась, вместе с тем как раздувался, множилась и гудел все громче огромный звук, исходивший, должно быть, из ее огромного рта. У фигуры было огромное красное лицо, на котором ярче всего выделялись брови, стремительно ползшие куда-то к переносице, а бездонная зубастая пасть раскрывалась все шире и шире, вторя бездонному, «паровозоподобному» реву. Где-то в щелях под сползающими бровями недружелюбно горели два глаза. Между кровью и хлебом тут явно выбирали не хлеб...

Короче, я испугалась. На глаза навернулись слезы. Это вышло непроизвольно, и, несмотря ни на что, мне стало стыдно. Конечно, не за плохую работу – за слезы. Но остановить их не получалось. Они заволакивали глаза, а я сидела и понимала, что хана моему безупречному образу кого бы то ни было – сейчас заплачу, а безупречные образы не плачут никогда. Чувствовала я себя жалко.

И внезапно все кончилось. Барс потерял ко мне всякий интерес и переключился на следующего. Я попыталась незаметно втянуть слезы обратно, тем более что не так давно начала общаться с мальчиком. Он учился со мной в одном классе. Позориться не хотелось. Я никогда раньше не общалась с мальчиками, не вызывая у них интереса и не испытывая ответного. Потому последнее, чего мне хотелось, – чтобы новый знакомый считал меня пугливой девчонкой. Нет, нет, я ничего не боюсь и горжусь этим. По крайней мере, почти ничего, и пусть это знают все!

Вскоре у Николая Васильевича обнаружились и другие «фишки» («фиш» – большая рыба, «фишка» – маленькая. «Фиш» у него существовала где-то в районе организации учебного процесса, а «фишки» были отдельными составляющими уроков). Так вот о «фишках». В начале года неожиданно выяснилось, что с Барсом можно спорить и не просто так, а на шоколадки! Не знаю, что больше двигало Николаем Васильевичем, толкая его на участие в спо-

рах – тонкое преподавательское чутье на бесконечный кладetzь детского азарта или банальное желание налупить халявного шоколада, – но факт остается фактом. С Барсом можно было поспорить, и одним из первых (если не первым), решившимся на это, стал тот самый мальчик, с которым я понемногу начинала общение. Он условился, что решит методом Кардана уравнение третьей степени с комплексными корнями, и решил. И выиграл.

Помню, мне тогда тоже очень хотелось так, но я понимала, что шансов на победу с нынешним набором знаний – ноль, а учиться ради какой-то шоколадки, пусть даже и от Барса, у меня не было ни малейшего желания. В общем, для споров я оказалась чересчур ленива и, чего скрывать, труслива.

Я не готова была принимать то, что чего-то не могу, когда хочу, и предпочитала не пытаться.

Глава 3. Свита

«Она была так прекрасна, что у меня нет слов»

Александр Васильев, группа «Сплин»

В Лицее было все, хотя не было ничего. Но это я поняла позже. Пока же, перенесемся в начало девятого класса, когда на моем пути уже плотно уселся Барс, на морде которого черным по белому значилось:

Оставь надежду всяк сюда поперший,
Покуда не доучишься, дурак.
И если ты не сдашь мне все домашки,
То к маме не вернешься. Просто факт.

Задавал Барс много. Слишком, – решила я. Очевидно, кому-то стоило пересмотреть отношение к детям – дети нужны для радости – вот пусть и радуется, и нечего морочить светлые головы!

Долго переживать послеконтрольный испуг я не стала. В конце концов жизнь одна, а Барс перебесится. Да и что Барс? Громкий – да. Страшный – да. Но определенно не злой. Не будет мерзкий, агрессивно настроенный дядька, пришедший в школу мучить детей, распинаться у доски. Не будет устраивать шоу непослушания посреди урока. Шоу – единственное, что способно удержать интерес любого ребенка, а наше скромное шапито имени Николая Васильевича функционировало исправно... Вот только интересоваться чем-то не значит любить.

Пока Барс оставался необычной фигурой, не сильно-то и нужной в этой партии, «забавным чудиком», про которого здорово было говорить Тяпе, попавшему в класс «В» и незнакомому с местной «легендой»: «Ой, да он – зверюга! На прошлом уроке такое устроил...!» – и пересказывать все «ужасы» произошедшего, конечно, несколько приукрашая картину и собственное «бесстрашие» перед лицом опасности.

Однако, раз мой интерес к персоне Николая Васильевича оставался только лишь интересом, подобным тому, какой испытываешь, встречаясь с чем-то новым, то причин напрягаться и что-либо делать я не видела. Это кто-то другой «не проскочит», Николай Васильевич! А я, если мне будет хотеться, проскочу везде и всюду и в последний момент (не рычите, я до сих пор так считаю. Резкий выброс адреналина в кровь творит чудеса)! Вы думаете, для чего нужны последние вагоны? Только затем, что не быть их не может? Ошибаетесь! Почему бы не сделать вместо поезда огромное стальное кольцо с купе, опоясывающее всю железную дорогу? Нет, не потому, что это глупо, неудобно, дорого, не-воз-мож-но! Нет! Не просто так эксплуатируют труд машинистов! Последние вагоны – для гурманов по части экстрима, для опаздывающих влет для души, для тех, кто приходит на перрон ради последнего вагона, чтобы заскочить в него на ходу, желательно с коляской и девятимесячным ребенком в ней (из жизни моих бабушки и дедушки), оглянуться и с удивлением обнаружить, что еще бы минута... Так о чем я?

В моей жизни всегда был только один «двигатель». Единственная причина, приводящая меня в состояние работы – желание получить. Впрочем, именно этот несложный механизм, как по мне, движет каждым. На тот момент желание учиться или просто знать «лишнее» отсутствовало напрочь. Потому Изостудию я сочла достойной заменой гранитному булыжнику науки.

Изостудия стала вторым, а может, и первым домом моего девятого класса. Я проводила там все понедельники и вторники – дни ее работы, вне зависимости от того, кто, что и на когда задавал. В первую очередь – личная жизнь, во вторую – все остальное, в третью – учеба.

По идее, в Изостудии мы должны были заниматься творчеством, но приходили туда потрепаться. Кто «мы»? Вопрос интересный, а главное, своевременный, потому как пришла пора познакомить читателя с нескончаемым списком ухажеров моей красавицы Яны.

Не успела Яна переступить порог Лицея, как за ней увязалась длинная и, к несчастью, довольно зловредная свита воздыхателей. Надо сказать, эта свита, по началу меня забавлявшая, доставляла немало проблем. Куда бы мы с Яной ни шли, они оказывались повсюду. Спасением можно было считать разве что женский туалет, но проводить большие перемены там не хотелось. Как они нас находили, я не знаю, но находили непременно. Первое время подруга пребывала на седьмом небе от счастья. Ей доставляло удовольствие повышенное внимание к своей персоне, и она с наигранной наивностью отвергала все мои пересуды о недвусмысленном интересе новоявленных «друзей»:

– Ну что ты, Варя! Они просто хотят с нами дружить!

– Ты, главное, им это не говори, а то если наше бандар-ложье племя, узнает, что и со мной «дружить» хочет, то сильно огорчится.

– Не понимаю, к чему ты клонишь? Я никогда не нравилась мальчикам...

– Поздравляю! Все рано или поздно случается впервые! А теперь давай – ка сматывать удочки, пока твои мымики не вышли на след!

Подобные разговоры были нередкими. Яна радостно «не понимала», я, для порядка, раздражалась, кавалеры множились весенними зайцами.

На обеденных переменах коридор в Лицейскую столовую напоминал стремнину горной реки. Толпы учащихся вливались в него, образовывался мощный поток, заключенный в довольно узкое русло, все время куда-то несущийся, булькающий, выбрасывающий в воздух брызги ругательных изысков, не щадящий никого и лишь иногда расхлывшийся при виде учителей. Порой он не щадил и их, но тут надо понимать, что как валуны бывают разного размера, так учителя разного «уважения». И если представить Барса, которого вслед за собой уносит толпа голодных подростков, непросто, то Веру Павловну Шахову – невозможно. При виде нее «поток» разбивался в две тонкие аккуратные струйки, мирно переползающие по стеночке, гладь его выравнивалась, и если один неосторожный «бульк» вырывался на поверхность, то, казалось, затихал навсегда.

Отличие от Николая Васильевича, Вера Павловна никогда не повышала голос. Ей это было и не надо. Хватало взгляда. В народе Веру Павловну ласково окрестили ВПШ, на мой взгляд, довольно неудачно. Если «сократить» Николая Васильевича до Барса или даже Барсика я могла, то Вера Павловна оставалась только Верой Павловной, и никакие «примочки» тут не годились.

Впервые я увидела Веру Павловну, когда нас с Яной проносила мимо нее ученическая стремнина. Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут шутки плохи. Впрочем, тогда зов желудка мгновенно заглушил распри разума.

По левую руку на пути в столовую располагался дворик. Его держали открытым до первого снега. В тот день в рюкзаке оказались японские роллы – остатки вчерашнего пиршества и просто невиданное богатство для ребенка, «карманных» денег в глаза не выдавшего и потому привыкшего, что экзотичное блюдо – это если мама в котлету добавила сыр. В планах было угостить Яну и погреться на солнце. Вцепившись друг в дружку мертвой хваткой, мы кое-как выгребли против течения и вывалились во дворик. (Позднее пришлось все же дойти до столовой за тем лишь, чтобы украсть пару вилок).

– Господи, Яна, ты нравишься ему, и это очевидно.

– Нет...

– Да! И Тяпе, и Славе, и Тимофею, кстати, тоже, разуй глаза!

– Ты неправа, им просто со мной интересно...

– Ну, начнем с того, что не с тобой, а друг с другом, и продолжим: за тебя не дружить, а воевать.

Моя «слепая и наивная» не сдавалась до конца. А тем временем враги наступали. Суши были съедены, а на горизонте уже маячила голова Алеша, значит скоро, как пчелы на мед, слетятся и Слава, и Тяпа, и Тимофей...

– Пожалуйста, давай уйдем, пока непоздно... Я тебя молю, Яна...

Поздно.

Алеша любил «эффектные» появления и выбирал «образ антагониста», чем напоминал мне саму себя и сильно раздражал. Ласковых слов он не говорил принципиально, придерживаясь собственной гениальной идеи, что любовь выражается через уничтожение человеческого достоинства. Схема его «ухаживаний» выглядела примерно так: он «совершенно непреднамеренно» возникал рядом с нами, носился по дворику и обзывал Яну ровно до тех пор, пока не приходил Тимофей, и Алеша не переключался на него. Разворачивался бой гладиаторов, где оба вояки мерились всем тем, что попадало под руку, попутно «подшучивая» над Яной. Далее подтягивались более дружелюбные Тяпа и Слава, все больше витавшие вдалеке и боявшиеся приближаться к бранящимся Алеше и Тимофею. Проще говоря, в лучших традициях подростковой «идиотии».

Алеша и Тимофей были везде, куда бы мы с Яной ни пошли, и соревновались друг с другом так ожесточенно, что порой начинало казаться, будто подруга – лишь мячик в их увлекательном пинпонге. Иногда, к моему ужасу, метафорический образ «Яны-снаряда» становился вполне реальным. Ее согласие на эту роль, конечно, не требовалось. Кончалось, обыкновенно, травмами...

– Прыгай! – вопил Тимофей.

– Не хочу... страшно, – канючила та.

– Чего ты ломаешься? Думаешь, я тебя могу уронить?

– Может, все-таки не надо..?

– Давай, прыгай уже!

Тогда Яна прыгнула. Тимофей сделал несколько шагов, держа подругу на закорках, а затем пошатнулся и внезапно разжал руки. Яна повалилась спиной на пол.

– Извини...

Высокие чувства половозрелых детей.

Изостудия встретила нас чаем и хлебом с вареньем. Ирина Васильевна, преподавательница, оказалась говорливой женщиной, которая очень обрадовалась нашему приходу, тут же усадила всех за стол, и начались бесконечные разговоры. Выбор тем никто не ограничивал. Но мы говорили об одном – о том, кто круче. Алеша постоянно пытался доказать, что он сильнее всех. Это злило и Тимофея, и меня. Я тоже хотела быть самой сильной. До недавнего времени так и получалось. Но после того как девочки начали превращаться в девушек, а мальчики в юношей, все совсем разладилось. Стало ясно, что мое тело почему-то слабее, чем мужское, и мне это категорически не нравилось. Хотелось казаться самой сильной, самой умной, самой... и, желательно, ничего не делать.

– Ты думаешь, что сильнее меня?

– Я тебя умоляю, Алеша! Ты себя видел?

– Цыц, лилипут!

– Гулливер недоделанный...

– Армреслинг?

Конечно, о победе не могло быть и речи. Физически я уступала противнику и прекрасно это знала. Но другие должны были считать меня непобедимой. Перевести стрелки в самый ответственный момент неизменно помогала Яна.

– Алеша, Варя...

Нашла коса на камень. Если Яна говорит что-то Алеше, не связвить он не может. Тут же налетит и Тимофей. Значит, и я за компанию..., тогда прошлый разговор прервется и мне не придется проигрывать... Но хорошо ли я поступаю? Ведь не просто же так меня раздражает Алеша? Не слишком ли я сама на него похожа?

Глава 4. Нечесть и экзорцизм

«В заповедных и дремучих страшных Миромских лесах

Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх:

Воем воем, что твои упокойники,

Если есть там соловьи, то – разбойники.

Страшно, аж жуть!»

Владимир Высоцкий

По Лицейским коридорам бродила самая отборная нечесть и самые искусные экзорцисты. Экзорцисты делились на тех, кто изгонял нечесть с подоконников и тех, кто давил морально, пытаясь обратить «Нечто сумасбродное» в «Нечто», по-видимому, «человекоподобное», начиная с головы, точечным воздействием на покоящееся в глубинах мозга мозолистое тело, а также уникалы, успешно совмещавшие разнообразные методы (в частности, Вера Павловна Шахова). Одним борьба с нечестью давалась лучше, другим – хуже. Так, заслышав стук каблучков Фрауштейн, нечесть подрывалась с насиженных мест, но, только грозное клацанье стихало за поворотом, тут же занимала исходные позиции. Появление Веры Павловны производило куда более крепкое впечатление. Парой (хотя обычно хватало одной) несложных магических комбинаций она без труда изгоняла нечесть с этажа, где та была поймана за сидением в неположенных местах, но окончательно совладать с черной ученической сущностью не удавалось никому. Всевозможные черти, упыри и прочие нарушители порядка, не решаясь ослушаться, спасались бегством, но, оказавшись на безопасном расстоянии, тут же благополучно оккупировали места, для сидения не предназначенные.

Что касательно воздействия точечно-головного, тут Вере Павловне не было равных. Это знала не только нечесть, но и весь консилиум экзорцистов. Барс (и я сейчас говорю не про того, который Барсик, а про огромного кровожадного котяру, готового скушать каждого из любителей поделить на ноль, ведь он кому говорил – ОГРАНИЧЕНИЯ!!! (в моей голове в ответ играло что-то вроде «границы ключ переломлен пополам, а наш батюшка Ленину совсем усох... Все идет по плану»...), даже этот Барс, стоило на пороге появиться Вере Павловне, почтительно замолкал и, не успевали мы в последний раз испуганно квакнуть перед тем как быть торжественно скушанными, на месте страшного зверя вдруг оказывался соседский кот Барсик с драным ушком – повздорил с погодкой Хромиком из 67.

В столовой я Барса не видела ни разу. Он предпочитал трапезничать в пещере, однако не детскими косточками, как думали многие, а блинчиками со стуженкой и приторно-сладкими конфетами. Мы с Яной, напротив, не обделяли столовую вниманием. Да, есть местную стряпню оказалось выше моих сил, но не выше Яниных. К тому же здесь можно было набить полные карманы белого хлеба, чтоб потом хомячить в коридорах. Экзорцистов подобный расклад не устраивал. Они искренне считали, что место хлеба и чавкающей нечести за обеденным столом. На этой почве шла ожесточенная борьба. Макаров, начальник экзорцистов по вопросу воспитания упырей, вылавливал брыкающуюся нечесть с буханками под мышками и изгонял в известном направлении. В столовую.

Нас с Яной эта учесть не обошла. Мы как раз спешили по коридору в сторону Лицейского двора, и я уже готовилась приступить к самому вкусному – к горбушке, когда прямо перед нами из ниоткуда вырос Макаров. Левой рукой он держал за шкурку двух сытых, а потому доброжелательно настроенных чертят. Один из них неспешно дожевывал краюху ржаного.

– Стоять-бояться! – стоим, хотя и не особо боимся, – А теперь разворот на 180 и «контротсупление»!

Делать нечего. Спорить с экзорцистом – себе дороже. Но, не доходя до дверей в столовую, вся наша нечистая братия притормозила, чтобы дожидаться, пока спина заклинателя, убежденного, конечно, что его работа выполнена, скроется за поворотом, и, как по команде, сменить курс – нам с Яной во дворик, тем двоим куда-то еще...

– Эй! Кыс-кыс-кыс! – донеслось сзади.

Мы синхронно развернулись. У поворота стоял Макаров и издевательски манил к себе указательным пальцем.

– Вы че думаете, я вас не знаю?

Конечно, он знал. На этот раз Макаров сопровождал нашу компанию до самой столовой, дождался, пока мы зайдем внутрь и только потом ушел. Знал он, и наверняка, и то, что немного погодя четыре маленьких чертенка с карманами, полными хлеба, выскользнули из-за красной двери, настороженно огляделись, достали по горбушке и заспешили кто куда.

Помимо прочих, в Лицее обитал и некто «Самовар». Самоварщиков Юрий Владимирович, можно сказать, занимался самодеятельностью. Он был с Лицеем чуть ли не с самого его основания, пережил пост директора и теперь оказался «обычным» учителем физики с миллионом странных баек на черный день и целым шлейфом слухов вокруг своей персоны. Если Барс поселился в стенах Лицея не так давно (лет 15, наверное) и за это время только-только обосновался на местном Олимпе, то Самовар стал легендой еще в незапамятные времена.

Самовар не занимался культурным экзорцизмом. Ему не было дела до того, кто где сидел и обедал. У меня он не преподавал, и потому я запомнила его скорее, как чудаковатого дядечку, который время от времени возникал на этаже, доставал из карманов конфетки в блестящих обертках (такие я не видела ни в одном магазине) и подкармливал ими оголодавшую нечесть. Еще иногда Самовар озвучивал довольно «революционные» идеи. Так, Юрий Владимирович предлагал собирать сентябрьские яблоки с деревьев, росших возле Лицея, и делать из них самогон. Самогон надо было использовать в качестве топлива для Лицейских велосипедистов (считаю необходимым пояснить: заливать это топливо следовало в чудо-велосипед, а не в лицейста). Ученическую энергию он предлагал переводить в энергию электрическую, используя машинки с педалями, которые нам полагалось крутить на переменах. Так и нечесть целее, и врачу меньше работы, и обществу – польза. При этом понять, шутит Юрий Владимирович или нет, оказывалось непросто. Он говорил обо всем с одинаковой непроницаемостью, чуть подавался вперед, к собеседнику, и неотрывно глядел, совершенно не моргая, а из-за массивных очков в тяжелой оправе его глаза казались огромными кругами на улыбающемся лице.

Юрий Владимирович был частым гостем в Изостудии. Он дружил с Ириной Васильевной. Хорошо помню, как однажды Самовар зашел к нам, когда мы пили чай. Ирина Васильевна, добрая душа, тут же предприняла попытку усадить его за стол, забегала в поисках чистой чашки... Юрий Владимирович, как в прочем и всегда, отказался, но уходить не стал, и вместо этого принялся рассказывать длинную историю про то, как при помощи магии и рогатки искал воду на дачном участке (понять, говорит он это всерьез или шутит, ни один из нас, думаю, так и не смог), а потом достал, по обыкновению, из правого кармана несколько конфет и раздал по одной мне, Яне, Алеше и Тимофею. Затем залез в левый карман, вытащил оттуда шоколадку и передал Ирине Васильевне. Ирина Васильевна отчего-то неловко замялась.

На все наши вопросы Самовар отвечал коротко: это не для детей и ничего приличного там нет.

Естественно, Алеша с Тимофеем при первой же возможности вцепились в Юрия Владимировича мертвой хваткой и завели нудную «беседу о науке», в течение которой Самовар всех крепко геометрически озадачил – вопрос о шоколадке отпал сам собой. В качестве решения нам было предложено пойти тем же путем, что и Юрий Владимирович – к холодильнику – повесить задачку и каждое утро смотреть, пока не решится.

Напоследок, прежде чем уйти, Самовар вежливо распрощался с Ириной Васильевной и, остановившись на пороге, добавил:

– А... что у нас... с физическими законами?

– Эф-а равно роже аш! – гордо продекларировала я...

– Мда... тело, впернутое в воду, выпирает на свободу с силой выпертой воды телом, впернутым туды! Запомни! – сердито качнул головой, – любите физику наперед. Читайте учебник наперед, сами, чтоб интересно было, разбирайтесь, а потом на занятии пройдете, проясните, если надо..., – он еще раз обвел взглядом нашу небольшую компанию, – ладно. Пойду я...

Вероятно, закон Самовара – единственный физический закон, который остался со мной и по сей день.

** Я пишу это 26 июня 2022 года. Юрий Владимирович умер 23 июня 2022 года. Его похоронили на Жеребятьевском кладбище в Домодедово. Глава была написана еще весной, при жизни Юрия Владимировича. Я посчитала необходимым внести некоторые коррективы. Все имена в этой книге вымышлены, а все люди – персонажи. У них есть прототипы, но героев моей истории в реальности не существует. Одно додумано, другое преувеличено, третье – стерто, а что-то я и вовсе им дорисовала только потому, что так захотела. Четверть описанных событий – фантазии. Еще четверть приукрашена. Половина от оставшегося переврана, другая – мое восприятие. Я полюбила образы этих людей и полюбила то, что пережила за три года учебы, поэтому мне захотелось написать о них – отчасти в знак благодарности, отчасти потому, что не желала расставаться – я люблю персонажей своей книги, ведь они унаследовали то, что я разглядела в их «прототипах». Но тот Лицей, мой Лицей, существует в моей голове, то, о чем пишу, рождается теперь из несуществующего Лицея, который я полюбила. Поэтому пришлось поменять имена, чтобы без угрызений совести вести героев по проторенным мною дорожкам. Юрий Владимирович – единственный, чье имя останется настоящим. Я соприкоснулась с ним совсем немного, но знаю, что Лицея без него бы не было, знаю, что среди тех, кто повлиял на меня, есть люди, долгие годы бок о бок работавшие с Юрием Владимировичем и дорожившие им, и не знаю, как иначе сказать «спасибо».

Глава 5. Первый день лицеиста.

«А вы бродили дворами тёмными.

Душа вином молодым бродила.

Я наизусть вас тогда запомнила.

На веки вечные полюбила.»

Марина Улыбышева.

В промежутках между общением с девочками, перепалками с Барсом и голодными набегам на столовую настал день лицеиста. Я полюбила Лицей и хорошо понимала, что никуда отсюда не уйду. Не могу. Николая Васильевича я все еще побаивалась. Видимо, красивые глазки казались этому чудаку недостаточно весомым аргументом в вопросе математической подкованности, и он упрямо требовал чего-то совершенно невообразимого – для начала, чтобы вместо рогато-хвостатых художеств на полях, в тетради по геометрии начали появляться какие-то скучные треугольники, а наспех нарисованные картофелины округлились по радиусу. Но картошка у меня произрастала исключительно без ГМО и форму имела натуральную, а, если уж домашка дошла до адресата, то какая разница, где она перед этим побывала?

Работать я не хотела и не собиралась. Учеба отнимала слишком много времени, а мне никогда не нравилось, когда у меня кто-то что-то отнимает. Я любила Лицей, хотя и сама этого еще не осознавала, за то уже, что здесь мир внезапно заметил мое существование. Я перестала быть пустым местом. Даже из любопытства «завела себе молодого человека» – не сильно ответственные люди так заводят собаку. Выводила я бедного и вовсе, как вшу... У меня появились друзья. Те, которые настоящие. И главное, никто не смотрел на меня сверху вниз, а ведь класс «Б» оказался одним из сильнейших в параллели...

Николаю Васильевичу я импонировала и отлично это осознавала, что, впрочем, от регулярных взбучек не спасало. Рассудив, что орал Барс, очевидно, от переизбытка чувств, я благоразумно свела контакты к минимуму. Самовар, ставший невольным свидетелем расправы жестокой и отличавшейся особой кровопролитностью, после того как разъяренный Барс опрометью кинулся из кабинета «мочить тряпку», однажды сказал: «Главная проблема Николая Васильевича в том, что он начинает кипеть до точки плавления.» Мне эта фраза понравилась ужасно и потому запомнилась. «Барс он, конечно, белый и пушистый,» – решила я, – но ушам перпендикулярно, какая симпатяжка удумала их отгрызть.»

Почти каждый день мы ругались с мамой. Ночами она чахла надо мной, как Царь Кощей над золотом. Вот только Золотце попало ретивое и того и гляди норовило сбежать, не дожидаясь похитителей. Отбирались телефоны, отключался интернет, в ход шли слезы, крики, угрозы:

– Варя, ну ты же взрослая девочка! Ты должна понимать сама: ты вылетишь! Кого ты обманываешь? Меня?! – Я молчала. Книжка лежала на полу: съехала с колен. Прятать под столом было, конечно, не лучшей идеей, но мама так внезапно оказалась за спиной, что ничего другого сделать уже не получалось, – Варя, мы отключили интернет, я могу отобрать у тебя все книжки и карандаши выкинуть к чертовой матери, только объясни – это что? Мне одной нужно? Тогда давай возвращаться в старую школу...

– Не надо в старую школу!

– Я не понимаю о чем ты думаешь! Не понимаю! Ты хочешь дальше в Лицее учиться?

– Хочу.

– Тебя выгонят.

– Меня – не выгонят.

– Выгонят! Твой любимый Николай Васильевич и выгонит! Знаешь, что Барсиков на последнем родительском собрании сказал? Сказал: «Варечка..? Нет.., вы знаете, Варечка у вас может учиться, только она совсем ничего для этого не делает!»

– Я буду учиться, – обещала из раза в раз, и, из раза в раз успокоив совесть, думала: «Вот завтра и начну... а пока... что мама еще не отобрала?»

Врунишка из меня никудышный, и никого, кроме себя, обмануть мне никогда не удавалось.

Я помню все наши ссоры, помню, как мы вместе мучили геометрию и даже помню задание, решенное, откровенно говоря, мамой, чахшей над моим рабочим местом уже четвертый час, ночью – это был первый номер из И. Д. З. Николая Васильевича.

Когда на следующий день я пришла сдавать работу, Барс с интересом изучил написанное:

– Очень необычно! – наконец воскликнул он. – Очень!..Но придется переделывать.

– Почему? Что-то неправильно? – заволновалась я.

– Нет, все верно, но по задумке вы должны были использовать формулы, которые мы проходили в классе, – пояснил Николай Васильевич, – хотя, конечно, оригинально! Так его еще никто не решал!

«Какие формулы?» – подумала я. А на следующий день мама нашла корявые записи с урока закинутыми за комод, среди рисунков и малоосмысленных каракуль. Задача, над которой она, ища обходные пути, билась несколько часов, решалась при помощи пройденного материала в четыре строчки.

Первый день Лицейста для меня не был настоящим. И я все еще ничего не понимала, кроме того, что мне хорошо тут и с этими людьми. «День Лицейста – ух ты ж елы-палы, сколько шумихи!» – думала я, со стороны наблюдая за тем, как все суетились, репетировали какие-то сценки: «Ну, ничего, я не набожна – весь этот кипишь – громкие слова, да и только. Нет, меня ваши глупости не касаются, сами пойте и пляшите, если уж вам неймется...»

Кто же знал, что пройдет несколько лет и вот этот подросток скепсиса будет сидеть и дрожащими ручонками редактировать такие дорогие воспоминания: «Неидеально! Неидеально! Черт возьми, неидеально! Про Лицей нельзя неидеально! Это же – Лицей!» Кто же знал, что такая «ненабожная» я будет расплываться в глупой улыбке, слышав заветное:

– Я в 1015 учился.

– В 1015! И я!!! – есть в этом что-то грузинское...

Кто же знал, что случится ровно то, чего я «никогда не...»

Для меня Лицейст – очень высокая планка. Идеализированный образ – что называется, тянись – не надорвись. Ах, как бы я посмеялась над этими «идеалами» в девятом классе. «Идеалы? Только дуракам нужны идеалы!» – сказала бы я: «Только тем, кто сам без „великой цели“ и шагу ступить не может. Кумиры – совершенства – чушь собачья!» А сейчас скажу лишь одно – не все ли равно из чего происходит жизнь – лишь бы происходила. С детства моей главной и единственной мечтой стал Хогвартс. Помню, как в свой одиннадцатый день рождения, ночью, уткнувшись лицом в подушку, рыдала навзрыд – мне не пришло письмо. Я с семи лет верила – будет сова, будет платформа 9 и 3/4, будет сказочный поезд и зеленые скалы и, конечно, Хогвартс.

Мечтам свойственно сбываться. Хотя сегодня я бы ни за одну волшебную палочку не променяла свой Лицей на какую-то «чародейскую шарашку». Мало ли в мире магии? А волшебников мало. Все в Лицее.

После выступлений, благополучно проспанных на Янином плече, лицеистов собрали в физкультурном зале. Первые 30 минут кружок «Разведчик» зазывал к себе новых ребят:

– Итак, сейчас мы вам покажем, что делать, если на вас напали...

– Уффф, скоты, – сердито зашептала я. Яны поблизости не было – она толклась среди Ашек и умильно подмигивала и махала руками, пытаясь привлечь мое внимание и всячески давая понять, что она бы лучше со мной потрепалась, чем пытаться спрятаться от Алеши и Тимофея за спиной Николая Васильевича, потому я вцепилась в Алису, – скоты!

– Угу...

– Чего угу-то! И не спросишь почему!?

– Почему? – я тяжело вздохнула и, сделав загадочное лицо, закусил губу. Помолчала. Тело предполагаемого «нападавшего» глухо ухнуло на пол.

Ладно, мы люди негордые!

– Нет, ну ты представляешь! Я шла туда – собирать и разбирать автомат, учиться всяким там боевым штучкам, типа этих, – кивнула в сторону непутевого «обидчика», который вот уже пятую минуту с обреченным стуком ритмично падал на пол, – в конце концов мне обещали, что летом я смогу с парашютом прыгнуть!...

– Так до лета еще жить и жить...

– ...И под танк лечь!..Тьфу ты, Алиса! Да черт с ним с летом! Три раза сходила! Первые два – полтора часа бегала по залу – думала там и издохну, на третий дали поддержать пластмассовый нож и посоветовали приобрести форму...

– А ты чего хотела? Чтоб тебя тоже вот так через плечо побросали?

– Нет, ну с какой это стати меня! Да я сама кого хочешь...И вообще – дали бы мне пулемет какой-нибудь – разобралась бы... – я смущенно умолкла. «Разведчика» уже и след простыл. Зато голос в рупоре объявил: «Классные руководители – начинаем раздавать веревочки!»

Иронично, что первую веревочку выкинул мой отчим во время ремонта. Вторую я порвала и, положив в карман портфеля, чтобы не потерять, потеряла навсегда. И только с третьей начало получаться говорить.

Веревочки – они и есть – веревочки. Кисточки разного цвета – вытягиваешь ниточку и вяжешь близкому. Главное, скажи все, что должен. Я не умела говорить (до сих пор не умею). Мне проще писать. Я не умею смотреть в глаза, когда хочу сказать что-то важное, а само это «что-то» вечно застрянет в горле и – ни туда ни сюда. Могу обдумывать часами, порой обдумая так, так напредставляю: «Это скажу, это и это! О, как хочу сказать! Как важно!» – а начну, и все: голова пустеет и остается только: «Господи, ну какого же рожна ты мне в глаза смотришь – невозможно!» – и отвожу взгляд, будто украла что, а легче не становится: «Зачем эти откровения нужны? А ну как сейчас ляпнешь глупость! А ну как и не надо это все никому, кроме тебя! Что ты знаешь о других, чтобы говорить? Не скажешь ты ничего нового, все всё и так знают... зачем слова! Говоришь много – делай лучше...» А меж тем слова – пускай и пустые звуки, их ведь наполнить можно, если есть чем. Слова – топливо действий. Слова растут из действий. Любишь – хочется делать – делаешь – хочется говорить – говоришь и делаешь все увереннее – говоришь другому человеку, а объясняешь себе.

В девятом классе я была слишком далека от действий. Важным казалось что-то другое – я пряталась от Яны и Алисы по углам Лицея, кокетливо бурчала: «Не настаивайте! Не хочу, чтобы мне кто-то завязывал веревочки! Это только для самых близких такое, а мы с вами пока просто...» – набивала себе цену.

Очевидно, к вечеру «самыми близкими» стали все поголовно, начиная с Яны и заканчивая Алешей, который занимался теми же глупостями, что и я. Глядя на него, подумала: «Цирк!» – и тут же кольнуло: «А клоунов-то под одним куполом двое!»

Алеша многому научил меня на своем примере. В девятом классе я так часто узнавала в нем себя, что становилось страшно. Зрелище то еще – никому не рекомендую быть мной.

В конце дня, когда все веревочки были завязаны, а я сытая и довольная сидела за праздничным столом возле Алисы, та, вдруг побледнев, сорвалась с места и выбежала в коридор. Я уже давно подметила, что она вела себя как-то странно, но решила не обращать внимания. Теперь же не оставалось ничего, кроме как выйти следом.

Алису я нашла в пролете между вторым и третьим этажом. Рядом с ней уже стояла мама. Подруга плакала, уткнувшись в родительское плечо.

За спиной раздались шаги. Я обернулась. По лестнице бежал Ваня – мальчик из нашего класса – бежал уверенно так, пока я, открыв рот, стояла на месте.

– Алиса...

– Варя, иди к остальным – мягко ответила ее мама. Ваня меж тем спустился к Моей подруге и что-то зашептал. Алисина мама отошла в сторону.

Я еще с полминуты помялась в нерешительности, промямлила очередное:

– Алиса..., – и, получив в ответ:

– Иди, Варя, потом, – зашагала прочь.

На душе было тоскливо. Что-то я делала не так и не то, а что – не понимала. Почему какой-то Ваня мог помочь, а я не могла? Почему не Я? И главное, как могла плакать моя Алиса? Разве такие, как Алиса плачут? Разве им не все по плечу?

Глава 6. Допы

Из родительского чата в начале года. Переписка между родителями, которые уже поняли, где очутились их дети и родителями, которые пока еще...:

«Миссис N: Девять часов вечера, а мой ребенок до сих пор не вернулся домой. Дозвониться не могу...»

Мистер X: Так у них же сегодня допы у Барса.

Миссис N1: Уважаемые родители, но это же ненормально. У наших детей ненормированные нагрузки! Время – начало десятого, а они черти где!

Мистер X1: Поддерживаю! С этим надо что-то делать!

Родитель-«ветеран», у которого в Лицее учится уже не первый ребенок, не желающий даже обсуждать всевозможные петиции и прекрасно знающий, что ни к чему они не приведут: Ха-ха, да, этот вурдалак так просто своих жертв не отпускает). Не переживайте: ночуют они дома).»

Как жаль, что в девятом классе мои интересы и интересы «этого вурдалака» располагались в параллельных плоскостях. «Вурдалак» желал видеть меня на своем кровавом пиршестве, а я предпочитала огребать, но не соглашаться на ужин, где главной закуской считалась кровь гостей. Не прельщало, в этом плане, даже самое настоящее печенье, которое родительский комитет «вурдалаковского» класса закупал, по-видимому, в качестве приманки. Мол, пока вы тут обедаете, отобедают вами... Нет уж, ищи дурака!

На допах я появлялась так редко, как не могла, что меня не останавливало, и, если бы не единицы и нули за работы, которые приходилось переписывать, я бы туда и вовсе не совалась.

На дополнительных занятиях действительно удавалось полакомиться печеньем и выпить чая. Правда, в связи с запретом на держание чайников в классах, дети замаскировали его под черную птицу, смахивавшую на самую обыкновенную курицу. Птица эта смотрелась придурковато. Правый глаз у нее был темно-синим, а левый со временем облупился и потому выглядел так, словно бедняжка ослепла. Не знаю, кто конкретно смастерил это чудо, но на чайник оно и вправду не походило. Со временем птица все больше лысела и на ее хохолке появлялись очевидные проплешины. Стояла она прямо посередине учительского стола, повернувшись в профиль ко входу. Если нажать на хохолок (попутно неизбежно лишив несчастную Чернушку еще пары перьев), она открывала ядрено-красный клюв – носик чайника. Чуть выше находилась кнопка включения, а посреди спины, невидимая за распростертыми крыльями, скрывалась ручка. Когда Чернушка «закипала», то начинала весьма правдоподобно квохтать, становясь, похожей на очень маленького и уродливого дракончика. Ее алый клюв подергивался и из него поднимался пар, так что казалось, будто птица сердится и вот-вот дыхнет пламенем.

Надо сказать, курица отлично вписывалась в интерьер и здорово поднимала настроение. Помню, когда в один из дней, под гнетом маминых упреков и угрозой единицы в четверти, добрела-таки на допы. Дело было так! Приоткрываю дверь, надеясь незаметно прошмыгнуть. Незаметно не выходит. Барс чувствует жертву. Вижу: слегка шевелятся уши, а острые когти царапают стол. Начинается! Медленно поворачивает голову и смотрит. На лице полное недоумение (ну как же, настоящий актер продумывает все до мелочей!)

– Варечка... ты ли это?

Постепенно голос крепнет, лицо краснеет и перекашивается..., а у меня в голове поет Кортнев: «На виске расчирикалась жилка. Все проходит, и это пройдет...» А жилка-то и вправду расчирикалась! Ты погляди, сейчас лопнет! Что такое... Мне кажется или у него

пар из ушей валит... Что за странные квохтающие звуки он издает? Тут Барс отступает на шаг в сторону и из-за его спины выныривает разъяренная Чернушка. Клюв ее подергивается, а отваливающийся кусочек краски болтается на левом глазу, вверх-вниз. И вот я уже смотрю совсем не на Николая Васильевича, а на несчастную птицу и мне безумно смешно. Где-то на заднем фоне умолкает Кортнев, а весь звук в кабинете перетекает в сплошное «ТЫ ПОЧЕМУ ГИТАРУ БРОСИЛ!?!», вырывающееся вместе с паром голосом Николая Васильевича из клюва Чернушки. Я пытаюсь сдержать смех, но по лицу расплзается дурацкая улыбка. Вот и общайся с вурдалаками...

Помимо Чернушки, чая и печенья, были на допах и другие развлечения. Например, отвлекать Яну: слушать с ней музыку, болтать. Голос у меня низкий и громкий, а, перевозбуждшись во время интересного разговора, я и вовсе перехожу на крик (по меркам не до конца оглохших людей). Николай Васильевич наивно полагал, что мы приходили к нему после уроков, чтобы учиться и предпринимал попытки бороться с нарушителями порядка. Обычно начиналось аккуратными замечаниями, отслеживая количество и интонацию которых, можно было предположить примерное, оставшееся до взрыва время. Впрочем, в девятом классе я не особо парилась из-за подобного рода глупостей, поэтому, вопреки советам Чайфов, частенько «доводила до предела», который вовсе не стремился в бесконечность. Николай Васильевич прикрикивал – я или иной нарушитель спокойствия, на время затихал, а затем все начиналось по новой.

Среди «нарушителей» на слуху было имя Яши. Яша попал в класс к Барсу и, в отличие от меня, учился хорошо, однако не меньше других любил острые ощущения. В принципе, за годы обучения в Лицее я выяснила, что большая часть учеников там – те еще экстрималы, и почти каждый, кто знакомился с Барсом, выяснив, что Николай Васильевич не такой уж страшный, каким кажется на первый взгляд, начинал играть с ним в русскую рулетку на особых правилах, заключавшихся в том, что обойма была много больше обычной, а патрон по-прежнему один..., как, впрочем, и игрок... – Барс ограничивался ролью наблюдателя. И хотя обойма обладала внушительными размерами, попадания случались, что неудивительно: если раз в год и палка стреляет, то чем хуже заряженный револьвер.

Однажды (случай, обошедшийся без жертв) Яша подбежал к столу Николая Васильевича, придвинул стул, уселся. Николай Васильевич молча улыбался и постукивал пальцами по дереву. Яша деловито огляделся и, подавшись вперед и пристально вглядываясь в лицо Барса, плаксивым голосом заныл:

– Николай Васильевич, вот почему вы девочек всех зовете: Машенька, Катенька, Алисочка... А меня «Чиявадзе!»?

– Чиявадзе...

– Яшечка! Зовите меня – Яшечка!

Тут Чиявадзе потянулся к руке Николая Васильевича, который, как ужаленный, подскочил на стуле и резко отодвинулся. Я прыснула. А Яша, как ни в чем не бывало, сорвался с места и, одним прыжком оказавшись на безопасном расстоянии, продолжил:

– Я считаю – это нечестно! Вы раните мои ученические чувства!

В другой раз на допах собралось слишком много народу. Переписывающих Барс оставил в кабинете, а остальных отправил в соседний. Я как раз собиралась «сдаваться», когда появился Яша. В руках у него была исходящая паром Чернушка. Он ловко проскользнул мимо Николая Васильевича и, подойдя ко мне, спросил:

– Варечка, тебе налить?

– Да, пожалуйста, – Яша огляделся, убедился, что Николай Васильевич на него смотрит, и, наклонив чайник, вдруг засвистел.

– Это что такое? – Улыбаясь проворковал Барс, – Чиявадзе, прекращай!

– Николай Васильевич, вы чего? Я девчонкам чай разливаю, – и снова засвистел.

– Чиявадзе... я те щас..., – Николай Васильевич поднялся с места и с наигранно-угрожающей физиономией двинулся на Яшу.

Тот как раз закончил с сервировкой и, подхватив наполовину опустошенную Чернушку, стал пятиться к выходу, не переставая насвистывать. Держа на изготове указку, Барс оттеснял Яшу к двери, когда Чиявадзе извернулся и зашел на второй круг мимо парт.

– Чиявадзе..., – голос Николая Васильевича начинал тяжелеть, но Яша этого то ли не замечал, то ли решил не обращать внимания. Он описал круг и пошел на третий.

– Чиявадзе! – гаркнул Барс, и Яша мгновенно заглох.

– Все, все, все, утекаю, – раздался обиженный голосок, и нарушитель спокойствия плавно выплыл за дверь, уносимый на крыльях неведомой черной птицы.

Иногда мы заигрывались.

Глава 7. Прощай, Тяпа

«А впрочем, не стану скрывать, болят мои пятки,

К тому же дорога, видать, опять не в порядке.

Нескоро до вас добреду, устану же скоро.

Я лучше совсем не приду, прощайте, сеньора!»

Новелла Матвеева

Пускай из всех Яниных ухажеров самыми «злонамеренными» я определила Алешу и Тимофея, время от времени умудрялись отличиться и другие.

Одним чудесным осенним днем мы с подружкой удобно расположились на подоконнике в коридоре, ведущем в столовую. Экзорцистов поблизости не наблюдалось, настроение было хорошее; кажется, светило солнышко. Даже Тимофей с Алешей куда-то подевались. Словом, Большая перемена подавала Большие надежды.

Но, видимо, почуяв отсутствие наиболее опасных, во всех смыслах, соперников, из ниоткуда нарисовался Тяпа. Он пчелой вился вокруг нас, стараясь не обделять вниманием никого, лишь бы Яна не решила, будто за ней ухаживают, но и не посчитала, что это за мной. Яна, судя по всему, вообще не была настроена считать. Она кошунственно не обращала внимания на Тяпу и самозабвенно рассказывала мне что-то про облако в форме дикобраза за окном. Бедный мальчик из кожи вон лез, стараясь отвоевать ее внимание, но, стоило ему замолчать, Яна вновь переключалась на необычную тучу.

Быстро смекнув, что враг номер один здесь, конечно, облако, но с ним особо не повоюешь, Тяпа принял решительные меры. Я как раз поднялась с подоконника и теперь, подавая руку Яне, чтобы поскорее сбежать от назойливого воздыхателя, да хоть в женский туалет, ведь «там окно открывается прямо во дворик, и дикобраза лучше видно», оказалась к нему спиной. Удар в спину – это, все согласятся, низость. А щекотать любую часть меня, когда я того не ожидаю – отвратительная идея, чреватая серьезными травмами, тем более если делать вы этого не умеете и вместо щекотки у вас выходит довольно болезненный «тык» под бок.

Увы, рефлексy работают быстрее головы. Рука непроизвольно согнулась, и локоть пошел назад, собираясь проучить обидчика. На половине оборота я сообразила: Тяпе, походу, хана – и попыталась затормозить, что мне, к слову, удалось, и несчастный успел отскочить в сторону. Не успело окно. Локоть благополучно достиг цели, раздался хруст, по стеклу поползла длинная трещина.

– Тяпа..., ты придурок!..

Позеленевший от испуга Тяпа смотрел на меня огромными зелеными глазами. Губы его тряслись.

Тут я и сама не на шутку испугалась.

– Так, ладно, все хорошо..., – я нервно огляделась, высматривая, были ли свидетели и увидела камеру на потолке, – ... И, принимая во внимание это, что будем делать?

– Я не знаю, Варя... У меня и без того проблемы с учебой, и с Верой Павловной... И с русским... Я на грани отчисления...

– Успокойся, Тяпа. Надо понимать, признаваться придется, – я посмотрела вверх, – и лучше сознаться самим.

Тяпа продолжал зеленеть – прямо эвгена, не ровен час фотосинтезировать начнет. Яна стояла рядом и молча наблюдала.

Глядя на испуганного Тяпу и осознавая, что у меня и у самой посасывает под ложечкой, я все больше злилась. Мне не хотелось быть трусихой. Я хотела казаться героиней, ключевое слово – «казаться».

– Ладно, пойду к Евгении Александровне и скажу, что разбила окно, – выпалила я и, в ужасе от собственных слов, уставилась на Тяпу.

Тот стоически перенес мой взгляд, но ничего не ответил. Я-то надеялась, что он тут же решит сознаться, однако тогда, как настоящий друг я, конечно, не позволю ему взять всю вину на себя, мы вместе объясним ситуацию... Но Тяпа упорно молчал. Было ясно, что сказанного назад не вернуть, и, если сейчас Янин ухажер не наберется смелости, придется за все отвечать одной.

Тогда я решила давить на собственную мозоль – на гордость, но просчиталась: видимо, разным людям натирают разные чувства:

– Да, возьму всю вину на себя. Скажу, что жестикулировала, пока мы с тобой болтали, и нечаянно попала локтем по стеклу. Сейчас пойдем к Евгении Александровне с Яной... Ян, ты же пойдешь?..

Мне очень хотелось, чтобы моя речь прозвучала непринужденно, с некоторым презрением, но выходило испуганно и жалко.

Тяпа так ничего и не ответил. Только глаза от пола больше не отрывал да на зеленых щеках кое-где начали проступать красные пятнышки.

Пока мы с Яной поднимались на третий этаж, я старательно делала вид, будто мне совсем не страшно. Выходило так себе:

– Нет, Ян, я все понимаю, и нет, не боюсь, конечно, но не думала, что Тяпа – такой трус! Это же он виноват! Думала, мы с ним вместе все объясним... А он...

– Варюш, ну хочешь, я признаюсь?

Яна сказала это легко и просто, так, словно ее вообще не пугали предстоящие разборки с учителями и жалобы родителям. И без того испорченное настроение не понимало, куда дальше портиться. Я злилась на Тяпу за то, что он такой трус, потому что бросил меня одну, но еще больше на Яну. Неужели она решила, будто я боюсь?! Нет, Я – не боюсь! Неужели она считает, будто храбрее меня?! Вздор!

– Ты бредишь?! Ты-то здесь каким местом?! Нет! Ни за что!

В таком настроении я и оказалась напротив кабинета Евгении Александровны. Страх накатил с новой силой. Если бы не Яна, стоявшая за спиной, я бы на вряд ли так просто взялась за ручку и открыла дверь... но прежде все же обернулась и, стараясь казаться спокойной и уверенной, проскулила:

– Войдешь..?

Яна кивнула. Отступить было некуда.

– Евгения Александровна... я тут нечаянно.., – все... Как просто язык маленькой девочки превращается в язык крокодильих слез, всхлипов и соплей.

В общем, подруге пришлось объясняться вместо меня.

Пока Яна по всему кабинету развешивала грандиозную лапшу про связь жестикуляции и хрупкости местных окон, я не переставала реветь, хотя уже понимала, что убивать меня не собираются, да и докладные никто писать не будет. Евгения Александровна давно не слушала Яну и только утешала: «Варечка, тише, тише! Все решается, не плачь!» И чем дольше она говорила, тем больше накрывало ощущение безопасности, и слезы катились сами собой. Стыд мешался с благодарностью, чувство облегчения после пережитого испуга с жалостью к себе. Меня вообще нельзя успокаивать. Это может привести ко второму всемирному потопу, и, если не утону, как мне потом с этим жить?!

– Яна, забирай Варю и идите на урок. Девочки, все в порядке, не переживайте.

Выйдя в коридор, я не нашла ничего лучше, чем сделать вид, будто никаких слез и всхлипов не было. Я оправдала свою слабость себе, затем Яне: «И вообще, милая моя, ты-то понимаешь, у меня всегда все под контролем... Да что ты со своей поддержкой! Слезы – часть плана, дрожь в голосе – актерская игра! Я ничего не делаю просто так!» Сама в это поверила.

Только по-прежнему обижало, что Тяпа так поступил, потому, гордая собой и собственным «героизмом», подгоняемая «праведным» гневом, я поспешила его отыскать, чтобышний раз поддеть побольнее:

– Все! Я призналась! Я со всем разобралась! Да, Яна, спасибо, что со мной пошла...

– Варя, хватит, я понял! Неужели ты не видишь, мне и так тяжело! Меня грозятся отчислить, Вера Павловна говорила с родителями, я...

И Тяпа заплакал. Он корил меня за жестокость, жалел себя и плакал.

Я вдруг увидела в Тяпе свое отражение. Стало мерзко. Не хотелось быть такой – плакать и обвинять других, оправдывать себя... Злость прошла. Передо мной стоял насмерть перепуганный, униженный ребенок, и этот ребенок, вызывающий теперь только жалость, до боли напоминал меня.

На следующей неделе Тяпа забрал документы.

Глава 8. Слова-паразиты

«То есть буквально, как паразиты, эти слова завелись у всех...

Какой-то сказочный синдром. Вся чаща пришла в движение,

Как бы общий язык возник. Невероятно. И смех, и грех...

Сперва отдельные слова, позже целые предложения

Посыпались отовсюду. Шум, гам, суета!

Толпа на водопое гудит, как оживлённая улица...

Волк собирался отужинать мышью, но та

Обходительно и мило убедила его одуматься

И волк стал есть траву лишь потому, что трава молчит

Затеяли спор бобры, пока плотина давала течь...

Устроила белка бунт: она кричит: «Орех горчит!»

В общем, не довела до добра эта ваша родная речь,

Однако звери вошли во вкус. Представьте, даже немой карась

Со дна отпускал свои сальные шуточки пузырями...

Пути назад уже не было. Революция началась...

Судите сами...»

Группа «Дайте Танк»

– Варь, а ты не хочешь поучаствовать в программе по русскому языку? Можно получить дополнительные баллы для поступления в институт...

– Не, – отмахнулась я и по пояс высунулась в окно.

Подняла ноги и животом улеглась на подоконник, потянулась, пытаясь сорвать кленовый лист. Основание листа горело, рыжие язычки доходили почти до каемочки, ближе к краям перемежались с красным, а на кончиках красовались пять желтых пятнышек. Клен то клонился ко мне так, что пальцы почти доставали, то, стоило решить, что вот сейчас схвачу, играючи поднимал ветви. Наконец, когда в очередной раз потянуло ветром, я резко подалась вперед и ухватилась, да так и повисла – коленками упираюсь в батарею, пузом навалилась на подоконник, правой рукой сжимаю тонкую веточку.

– Зараза! А ну, отдай! – зашипела я и чуть не полетела в окно, но Яна ухватила за ноги. – Мерси! – довольно помахивая кленовым листом, поблагодарила я, – как говорится, проси что хочешь, старче!

– Хочу, чтобы ты со мной поучаствовала в программе, – не растерялась Яна.

– В какой программе?

– По русскому.

– А больше ты ничего не хочешь!

– Листик у тебя красивый...

– Ладно, в конце концов русский язык – это Наше наследие, это великое величие величайших великанов, величественно величающих тарахтайки велосипедами...

– Я оценила твой альтруизм. Пойдем, может? Времени нет.

Я покрутила кленовый листок, подумала и сунула за ухо:

– Ладно. Только никакой это не альтруизм. Это вклад.

– Чего?

– Моего безумного интеллекта в наш совместный проект с целью сохранения кленового листа.

– Но ты же мне его все равно потом отдашь.

И откуда она знала?

Яна вкратце обозначила, что мы должны будем делать:

– Значит, так – необходимо взять интервью, – объясняла та, – поговорить с учениками и учителями, узнать, какого они мнения об уровне разговорной речи в России, снять на камеру...

– Поняла – учеников на фиг, пошли сразу к Барсу! А то я скоро забуду, как он выглядит...

– Мало тебе адреналина в жизни.

– В смерти... Пошли.

– А ничего, что мы сразу с камерой, без предупреждения. Может, для начала спросим разрешения?..

– Не смейся! Ты его видела? Если я еще хоть что-то понимаю в актерах, то эта кинозвезда от избытка внимания в истерику не впадает!

– Ох, как бы нам потом в истерику не впасть... коллективно, – вздохнула Яна и поплелась за мной.

Забегая вперед, скажу, что ни в какой институт мы то интервью не отправили: поленились. Но запись до сих пор хранится у меня на компьютере. Возможно, когда-нибудь отправлю Николаю Васильевичу. Пусть порадует.

Алеша и Тимофей подцепились по пути.

– Яна, по-дружески предупреждаю, – в темных переулках оглядывайся, а то не успеешь пикнуть, подкрадусь, окачу керасином и под машинку! – зашипела я на ухо подруге, когда мы чуть оторвались от наших неразлучных рыцарей.

– Чегооо? Зачем это?

– Да есть тут «два повода»... Мне так мама вшей выводила – вроде помогло...

– Опять ты за свое... погоди, вроде?!

– Не парься – если вдруг, почувствуешь. У тебя же голова не чешется?

– Уже не уверена...

Барс, как обычно, восседал в учительском кресле, погруженный то ли в раздумия, то ли в телефон и постукивал пальцами по столу. Мы гурьбой ввалились в кабинет, и Яна с порога начала:

– Николай Васильевич, как вы оцениваете московскую речь?

– Куда... Как еще раз???

– Ну, как говорят люди в вашем окружение... ну, с точки зрения логики, ну... произношения?..

– Связанности!

– И мата! – вставил свои пять копеек Тимофей.

– Вы о чем вообще? – Николай Васильевич заулыбался и, кивнув в Янину сторону, продолжил. – Откуда вы ее взяли вообще???

– Программа по русскому языку: слова – паразиты там и так далее...

– К-кто у нее паразиты?

– Ну, Николай Васильевич..., – Яна уже сползала куда-то на пол, не переставая гикать и совершенно растерявшись.

– Я тебе слушаю.

– Ну, вы же говорите на русском языке... ну, что вы можете сказать а..о..а вообще, как там говорят другие люди.

Со стороны наш диалог выглядел показательно. Прямо справочник Лицейской речи – в главной роли Яна, на задворках маячит Николай Васильевич.

– Ну, ваше окружение! Ну, вспомните! Может быть, что-нибудь хорошее!

– Постарайся задать более конкретный вопрос, – не выдержал Тимофей.

– Да. Ты о чем спрашиваешь? – (и все – таки он над нами издевался... сумасшедший, что возьмешь...)

– Ваше субъективное мнение...

– О чем?

– По поводу того, как говорят люди вокруг вас...

– Она имеет в виду, насколько связаны слова, как хорошо звучит все это, слова-паразиты присутствуют ли в их речи..., – не выдержала я.

– КОГО?

– В речи людей..

– Ваших знакомых..., – наперебой завопили мы с Тимофеем.

– Людей, знакомых, школьников, у..., – ох, вот тут и напоролись. Барсу наконец наскучило наше жужжание. Великий актер требовал освободить сцену:

– Кого??? ШКОЛЬНИКОВ???!!!

– Учителей..., – предпринял робкую попытку вернуть все, хотя бы как было, Тимофей, но поздно. Настроение у Барса оказалось отличное. Он явно давно не бегал в поле среди цветочков, охотясь на разноцветных бабочек и нюхая одуванчики и, стало быть, упускать возможность выпустить пар не планировал:

– ШКОЛЬНИКОВ??? ДА ВЫ ВООООЩЕ... ОНИ ВООООЩЕ РАЗГОВАРИВАТЬ НЕ УМЕЮТ, – видимо, вирус неумения говорить передавался воздушно-капельным путем.

– А я что делаю??? – через смех пропищала Яна, и с языка едва не сорвалось: «мычишь!», но, к счастью, сцена уже была занята:

– Ты... Ты перебираешь некоторый набор бук... слов, которые в произвольном порядке вообще даже в принципе не могут друг за другом идти! – Тут Барс наконец собрался с мыслями и начал выдавать нечто связное, но надолго его не хватило, потому что вирус «Лицеиста» – он по своему устройству близок к Лицеисту – о стену не расшибешь, – поэтому речь..., как это..., знаешь, такой... есть некий набор слов...

– Да...

– Да!..Так. Дальше, соответственно, генератор случайных чисел выбирает оттуда некоторые из них, а потом вы пытаетесь составить их в какую-нибудь более-менее речь и думаете, что она имеет смысл при этом.

Когда мы оказались за дверью, я тут же скорчила страшную рожу:

- И думаете, что она имеет смысл при этом – как его – того – вообще, – передразнила я, – вот же кокетка!
- И не говори, – кивнула Яна, – хотя так-то все равно милый, согласишься?
- Пожалуй... Относительно месяц не жвавшего аллигатора или мишки-шатуна.

Глава 9. Ударная любовь

«Что ты, папа!» – был ответ. – «Времена переменялись – нынче, папа, в детсадах все давно переженились. Только я одна иду – все направо, а я – налево. Да, меня уже в саду называют старой девицей!»

Вадим Егоров

Одним утром я вдруг поняла – часики тикают, старость не за горами – надо срочно влюбиться. В кого?

Я девушка ответственная – вопрос серьезный. Потому и к его решению подошла основательно, составила схему: завязка – выбор молодого человека, действие – оповещение общественности, кульминация – признание, выделила время, чтобы хорошенько рассмотреть кандидатов, оповестить друзей и, наконец, признаться. Вся операция, по моим расчетам, должна была занять не больше недели.

Меня уже некоторое время волновало, как же это, дожив до пятнадцати лет, можно ни разу не влюбиться. Потому, немного поразмыслив, я пришла к выводу, что слова песен и книг – профанация. Психически здоровый человек теряет способность управлять собой только под действием алкоголя или наркотиков, просто так с ума не сходят, а от бабочек в животе лечит эндокринолог. Значит, влюбленность – всего лишь этап общественной жизни – способ раскрасить серую действительность.

Выбор пал на мальчика из параллели. Мы хорошо общались, и я сделала вывод, что комфортнее влюбляться в кого-то, кто мне неплохо знаком. По законам жанра пару дней я загадочно молчала на уроках, прожигала дырку в Его затылке на переменах и томно вздыхала.

На третий день вздыхать мне надоело. Занятие это требовало большого сосредоточения внимания, потому как любить совсем не хотелось. В голове крутились какие угодно мысли, но только не о Нем. «Видимо, не дано,» – с грустью подумала я, решив, что, раз некоторые рамки воздыхательных приличий уже расставлены, можно смело порадовать новостью о моей первой влюбленности для начала подруг.

На уроке физики я тронула Алису за плечо. Она не оторвала глаз от тетради, но писать перестала.

Алиса уже встречалась с мальчиком, с тем самым Ваней, который выбежал утешать ее в день Лицеиста, и теперь мне не терпелось похвастаться – я тоже умею любить:

– Алиса, поздравь меня.

– С чем?

– Ну, как же! С осознанием первой любви! – я выдержала паузу и продолжила, – хотя нет, лучше не поздравляй. Страдаю... ужасно! Ты понимаешь, конечно. Ведь он меня наверняка не любит, а я так люблю!

– Кто Он-то? – Алиса заинтересованно повернулась.

– Тшшшш! – погромче зашипела я и, страшно округлила глаза – на перемене покажу!... конечно, это не взаимно – ты понимаешь...

– Вообще, не очень.

– Ну как же! Ведь я ему наверняка неинтересна, он видит во мне только друга...

– Спроси, и все узнаешь.

– Ты что! А как потом в глаза смотреть! – при мысли о признании стало не по себе. В животе что-то болезненно скрутило, и горький комочек отвращения подступил к горлу. «Наверное, у бабочек несварение,» – мрачно подумала я. Но ничего не поделать: любовь – та же наука. Хочешь выучиться – учи, продираясь через скучные формулы и нудные законы,

а хочешь любить – люби через отвращение и непонимание – рассуждала я и, вместо того чтобы, вдохновившись, начать старательно учиться, все старательнее мучилась, силясь влюбиться.

– А что такого? Все лучше, чем молчать. Посмотри на нас с Ваней – ты думаешь, мы бы начали встречаться, если бы не поговорили? Не хочу тебя расстраивать, но, если ты решила донести до другого человека любую информацию, ее необходимо озвучить, причем, желательно, прямо, иначе есть шанс, что то, что пытаешься сказать ты, и то, что дойдет до адресата, будет отличаться, и, возможно, кардинально.

Мой план действий и так включал признание, и слова Алисы ему не противоречили, но и урезать «переживательную» часть не хотелось:

– Но ведь это Ваня тебе признался...

– А какая разница?

– Ну как же. Мальчик должен сделать первый шаг, – когда аргументы кончались, я не брезговала бросаться словами, в которые и сама не верила.

– погоди, а чем один человек хуже другого, что ему надо что-то там делать первым? – Алиса удивленно вскинула брови, – разве не в твоих интересах с Ним сблизиться, раз это Ты влюблена, нет? А обоюднo молчать можно до скончания веков.

– А как в глаза смотреть...

– Послушай, Варя, вокруг нас адекватные люди. Ты какого-то не больно высоко мнения о «Нем». Что, по-твоему, случится, если тебя отвергнут?

Доводы кончились. Алиса оставалась чересчур рациональной. Мне же совсем не хотелось решать проблему, тем более ту, которой и в помине не было. Я уже определилась, что ближайшую неделю буду чахоточной барышней, а то, насколько нелепо смотрятся корсет и панталоны на еж, меня не волновало, потому, дождавшись большой перемены, я сразу же отыскала Яну.

Раскрасневшаяся морда и горящие новой затесей глаза говорили ярче любых слов:

– Что случилось? – спросила Яна, как только мы оказались одни. – Не тяни, пожалуйста! Ты сейчас с таким лицом, что если станешь тянуть, то либо тебя разорвет, либо меня – от любопытства!

– Ладно, – милостиво согласилась я, тем более что сил молчать не было, – Яна, я, наверное, влюбилась!

– Уверена?., – в голосе подруги слышалось недоверие. Мне это не понравилось. Обычно та сразу принимала мои слова за чистую монету.

Сомнения оказались заразительны, поэтому, не желая им поддаваться, я решила рубить с плеча – лучше сделать хоть что-то, чем засомневаться и не сделать ничего. Со временем я поняла, что у жизни тот же принцип, что у математической задачи – если порядок действий не очевиден, то, чтобы решить, придется решать. На мой взгляд, лучше прийти к безусловно ошибочному ответу и начать сначала, снова ошибиться и ошибаться до тех пор, пока не останется единственный верный вариант, чем метаться, боясь оступиться. Главное успеть, пока не попросят сдать листочки.

– Ну, наверное... Думаю, я его даже люблю! В конце концов мне с ним комфортно... общаться...

– А со мной?

– Что с тобой?

– Общаться тебе со мной комфортно?

– Нет, ну ты просто не понимаешь! Тут другое! – когда Яна высказывала здравые мысли, мне это не нравилось даже больше, чем, когда их генерировал мой мозг. Оставался единственный, глупый, но зато, безусловно, весомый, аргумент, – Да! Ты не понимаешь хотя бы потому, что сама никогда не влюблялась! Вот влюбишься, поймешь...

Подруге крыть было нечем. Под давлением та пошла на попятную:

– Ты права. Не мне об этом говорить... Так о ком речь?

– Ты его знаешь... при встрече покажу.

– Хорошо. А почему именно он?

Вопрос застал меня врасплох. Решив влюбиться, я впопыхах забыла придумать своему объекту «возсдыхания» ареол хотя бы чего-нибудь. Единственным критерием, по которому жертвой стал именно этот мальчик и никто другой, оказалось наше с ним общение.

Первым делом я задумалась о внешности. Ничего выдающегося. Но оно и к лучшему! Любовь моя должна была быть истинной, презирая глупости вроде красоты и обаяния! Она должна была видеть вглубь, опираясь на качества человеческой души и только на них!

Попыталась вспомнить какие-нибудь положительные стороны «возлюбленного».

«Учится хорошо... пусть будет умный!.. Разве за ум любят?..»

Немного поразмыслив, я выдала то, что в свое время слышала, кажется, от мамы:

– Понимаешь, Яна, любят не за что-то. Это невозможно объяснить. Я просто люблю его – баста!

– Аааа...

– Бэ! – в животе протяжно заурчало.

«Что-то мне подсказывает, что либо я сейчас покормлю этих трагедитских бабочек, либо они примутся за меня,» – подумала я...

– Варя, может, в столовую? – предложила Яна.

Но хотеть есть влюбленным не полагалось! Все мысли мои должен был занимать Объект Любви Гигантского Масштаба, потому, поблагодарив про себя подругу, я постаралась сделать отрешенное лицо:

– Ты знаешь, мне сейчас совсем не до еды...

– Конечно! Можем сегодня на обед не ходить, – замялась та, – ты наверняка хочешь поговорить о своих чувствах!

– Нет – нет! – испуганно замахала руками я, – тебе надо покушать, поэтому пошли!

– Правда? Какая ты все – таки у меня замечательная! – умилилась моя наивная Яна.

И мы заспешили на обед.

На второе давали пельмени. Я без малейшего аппетита навернула три порции, для галочки смочила слезами плечо Яниной рубашки и, окончательно убедив себя, что любовь зла по своей природе и без участия рогатого скота, решила – на неделе, как бы противно ни было, необходимо признаться.

Через два дня я поймала (здесь и далее просто Объект) в гардеробе. Вид у меня был решительный и, вероятно, угрожающий, потому как несчастный мальчик словно окостенел, прижавшись к стене. Он смотрел большими от ужаса глазами и время от времени моргал.

Я подошла вплотную и уставилась на него снизу вверх. Нервно сглотнула.

– Варь, ты чего?

– Цыц! Не перебивай! Мне надо сказать тебе что-то очень важное...

– И что...

– Цыц! Кому говорю! Дай с мыслями собраться... В общем, я долго думала и решила, что отныне... я тебя, наверное,... все—таки точно – люблю...

От неловкости я вся покраснелась, на глаза навернулись слезы (откуда бедной жертве было знать – это нервы), так что, как бы странно ни звучало мое признание сейчас, со стороны оно смотрелось, полагаю, недурно. Стою, коленки трясутся, щеки алые, горячие, голос дрожит и чем дальше, тем становится мягче и тише – чем не «Царевна – лебедь»?

Под конец я полностью вошла в образ.

Помню, за спиной «Объекта» висело зеркало. Смотрю в него, на только-только выскокивший выше переносицы прыщ и думаю: «А во лбу звезда горит...»

Но поток лирических мыслей варварским образом оборвали. «Объект» завозился, стал что-то бормотать... «Е-мае! Это что ж я натворила-то! – пронеслось в голове. – А если он скажет, что я ему тоже нравлюсь, мне чего теперь, с ним целоваться придется?»

Бежать! И чем быстрее, тем лучше, поняла я, пока Он еще в состоянии аффекта – завтра что-нибудь придумаю...

Я развернулась, нахлобучила капюшон и, вжав голову в плечи, зашагала прочь, оставив несчастного разбираться с моими проблемами.

Идя по улице, я ловила ртом снежинки и думала: «Интересно все-таки, люблю я его или не очень?... Нет, возможно, стоило задуматься об этом пораньше... (это важно?) ...пожалуй, все-таки люблю...» «А зачем люди целуются? Ну, правда, такая ведь мерзость...» «Что если он зубы плохо чистит?» «Наверное, так принято, вот они и терпят... Но я-то объясню ему, что мы можем любить друг друга просто – „без губ“, нам не обязательно соответствовать – для меня обмен слюной совсем не важен.» «И потом, чего я разнервничалась! Он точно не ответит взаимностью! Да, конечно, не ответит!»

«И как после этого смотреть ему в глаза... Позорище! – не думать!»

Но дома чувство стыда навалила с новой силой. Слезы катились градом и останавливаться не желали. Как ни крути, а картина выходила мрачная. Мне так не хотелось иметь ничего общего с этим мальчиком, и от отвращения к себе, к нему я рыдала, стараясь поверить, что, конечно, во всем виновата безответная любовь!

На стоны и всхлипы прибежала мама и довольно быстро выпытала подробности произошедшего. Ревела я долго и убедительно, так что в крепости моих чувств у нее сомнений не возникло. Более того, она решила, что, раз я так старательно рыдаю после признания, значит, мальчик меня непременно чем-то обидел и все порывалась пойти к его родителям «поговорить». Для полного счастья только этого и не хватало. Кое-как я уговорила ее не трогать «подлого узурпатора» и объяснила, что «узурпатор» тут вообще ни при чем – возможности по собственному желанию портить мое настроение достаиваются немногие:

– Нет, если он тебя чем-то обидел, я ему оторву...

– Не надо ему ничего отрывать! Пожалуйста, не надо ничего отрывать..., – при мысли, что из-за моего глупого «пардепи» с самой собой может пострадать посторонний человек, становилось страшно, – мамочка, я просто запуталась... Я очень боюсь... Я не знаю, как теперь быть... так стыдно..!

– Почему? Он что-то сказал тебе? Если сказал, я пойду...

– Не надо! Не надо никуда идти! Я все сама – все сама!

Следующие два дня я, как очень самостоятельная и не в меру ответственная девочка, на, отдадим мне должное, своих двоих бегала от Объекта «неземной» любви по всему Лицею. На третий Он, зная, что я специально опоздаю на первый урок, подждал меня у входа с одинокой ромашкой наперевес.

«На шпагу похожа...» – пронеслось в голове. – Нападать на безоружных низко...»

– Варвара! Нам надо расставить все точки над «И»... и прекращайте, наконец, от меня бегать, – «Ничего себе, да у нас средневековье, сударь!» – подумала я: «Может, его за драконьей головой потихому сбegrить, и закроем тему?»

– Я размышлял над произошедшим... Знаешь, мне раньше всегда нравились красивые девочки, а тут ты, (ну, ни хрена себе прямо – мог бы и соврать, честное слово) низенькая, полненькая..., – и чего я отказалась, когда мама ему оторвать... что она там предлагала? – так вот... это совсем не важно. Мне кажется, нам стоит попробовать. Может выйти что-то более серьезное, чем с красивыми девчонками!

Я оценивающе окинула взглядом этого рыцаря-маргинала с ромашкой. «Вообще, он прав. Сообщать ему необязательно, но рожата у него тоже так себе – пара что надо – настоящие крепкие отношения на настоящей крепкой дружбе и, главное, никаких поцелуев! Надо брать!»

В этой истории жалко почки.

Для меня вопрос с поцелуями и любыми физическими контактами после состоявшегося разговора закрылся сам собой. Я посчитала, что с учетом сложившихся обстоятельств да с таким понимающим партнером нет смысла лишний раз проговаривать столь очевидные вещи, поэтому мой «возлюбленный» учился методом проб и ошибок. Каждый раз, когда новоиспеченный сердечный друг оказывался, по моему мнению, слишком близко, я пугалась и рефлексивно проделывала одну и ту же излюбленную комбинацию: локтем в правый бок или кулаком в левый. Не то, чтобы у меня была цель избить молодого человека до полусмерти, но любой контакт с человеком, по большому счету, чужим, вызывал во мне настоящий животный ужас.

Мне было страшно, и я отстаивала свои границы.

За несколько месяцев моя без четверти «половинка» усвоила, что можно, а чего нельзя. А точнее, что нельзя ничего. Несложно догадаться: дружеские отношения развалились окончательно. Без риска для почек, общаться мы теперь могли только на расстояние вытянутой руки.

Я быстро поняла, любовь – это не мое, и стыдилась бросить человека, которого зачем-то сама втянула в непонятную и ненужную авантюру. Стоило собраться с духом, несчастный продлевал пытку: «Ты знаешь, Варя, меня девушки всегда первыми бросали...»

«Бедный! – думала я. – Нельзя так поступать... Рано или поздно ему ведь надоест и он сам захочет расстаться – надо только подождать...»

Но мальчик попался терпеливый и, по-видимому, обладал крепкими почками. Так «великое чувство» обернулось великой ошибкой.

Глава 10. Новый год на новой квартире.

«Не стоит ждать вдохновения, за ним надо гоняться с дубинкой.»

Слова Джека Лондона, которые некоторые воспринимают буквально...

Пока мы с сестрами на новый год разрисовывали окна гуашью и взрывали фейерверки, где-то в кутузке, на другом конце Москвы один печальный снежный Барс тоскливо выл на луну. Или не совсем один...

Это дело покрылось сплетнями и теориями. Каждый, кому не лень, внес свою лепту в образы главных действующих лиц и представил собственную версию случившегося.

Предновогодние допы. Я сижу в коридоре, делаю вид, что зубрю четверти (ноухау от Барсикова – геометрические формулы, законы и теоремы «без воды»), Яночка часа полтора назад ушла перекусить, да так и не вернулась. И вдруг БА-БАХ! Слышу стоны умирающих и крики тех, кто только собирается, а поверх прочего скрежет когтей, лязганье зубов и дикий вой. Поплотнее вжимаюсь в стену. В конце концов я за пределами звериной клетки – выскочить не должен. Дверь кабинета открывается, и оттуда выползает раненый, но все еще живой Яша. Левый глаз лопнул, контужен на обе руки, ног нет, половина черепа снесена. Из правого уха почти вывалился кирпич, на котором значится «физика», а в левое наполовину загнан другой – «математика».

– Варечка, ...помоги...

Молчу и стараюсь не смотреть. Яша усилием воли (и только усилием воли, ведь руки контужены, а ног нет) подается вперед и почти преодолевает порог, но вой приближается и из-за его спины высовывается громадная когтистая лапа. Лапа опускается, раздается душераздирающее: «ЧИЯВАААААДЗЕУУУУУУУУУУУУУ», слышится громкий хруст. Кирпич «математика» с жутким скрежетом исчезает в изуродованной голове.

Прощай, Яша.

Если находиться на допах Барса, когда он в таком состоянии духа, опасно для жизни, то не находиться – и есть смерть. В конце концов, ну, разберет он тебя на запчасти, сожрет душу – все равно аллергик, выхаркает и склеит обратно, почти как было (берусь утверждать, что с носом на затылке жить можно). Но вот пропустить допы равно подписать соглашение о добровольной сдаче себя на металлолом. Потому я, как какая-никакая подруга, срочно звоню Яне, благо (в кои-то веки) она берет трубку:

– Аллю, рыба моя, ты где?!

– Я кушаю...

– Какое, нахрен, кушаю?! Полпятого! Барс поглотил душу Чиявадзе, не разбираясь, где грехи, где потроха, и ищет новую жертву. Как думаешь, кто это будет при таком раскладе?!

Порой Янина непосредственность меня поражала (и поражает до сих пор):

– Ой, ну тогда я сейчас потихоньку...

– БЕГИ, горе ты мое луковое!

Не помню, чтобы когда-нибудь видела Яну бегущей. Она готова была спокойно перевариваться в желудке самого свирепого хищника, но не бежать. Неторопливость и только неторопливость. Всегда в своем темпе и в своих мыслях.

Так и теперь подруга явно не спешила. Прошло минут 15, а она все не возвращалась.

И тут Барс выскочил в коридор. Мягкий прыжок, приземление на четыре лапы, каждая из которых размером с мою голову, и вот громадный зверюга стоит напротив и сверлит меня взглядом. Я сижу на полу и спиной вжимаюсь в стену. «Ой, мамочки, ой, папочки... Я хаме-

леон... Я хамелеон... Во-первых, ты ничего не видишь, во-вторых, барсы не едят хамелеонов...»

Но, похоже, есть меня никто и не собирался. Не было Барсу дела и до отсутствующих. Он ощерил зубы и прорычал, недобро сверкая синими глазами:

– Если зайдет Вероника Андреевна, скажи, что я скоро вернусь.

С Вероникой Андреевной Барс часто уходил из Лицея вместе. Она нередко заглядывала к нам во время допов. Учителя о чем-то перешептывались, иногда смеялись. Мы, особенно первый год, всем классом дружно строили догадки насчет «глубины» их отношений, но быстро утомились. Так же, как и с другими, нам надоело.

В общем, на этой прекрасной ноте, страшный зверь в синей безрукавке издал ужасающий по своей громкости вопль, больше похожий на клич индейца, и в один прыжок оказался где-то на лестнице.

Что было дальше, я не знаю, но со слов очевидцев – приблизительно следующее:

*Рассказывает пострадавший: Я стоял у поста охраны, когда из-за угла выскочил здоровенный белый кот в синей безрукавке. Только и успел подумать: боже, с какой стати барсы носят безрукавки... Он мчался прямо на меня!..

*Свидетель 1: Он пронесся как тайфун! Рожа красная!

*Я: Кхм, уважаемый свидетель, у барса рожа красная?

*Свидетель 1: Ну, да! До самых кончиков шерсти покраснел, такой злющий! И глаза как два блюда! Кровью налились, и из них искры во все стороны летят! А как он бежал! Лапа коснется пола – на полу остается прожженный след! И из ноздрей дым валил! Все помещение заволокло, я чуть не задохнулся...

Пострадавший больше ничего рассказать не смог. Все, что он помнил дальше, – операционный стол и рваную рану от когтей на животе. И швы. Много швов. К вопросу нумерации свидетелей: пронумеровала единственного выжившего, хотя трупы обнаружены не были.

Когда к шести часам Яна добрела до Лицея, у стены 76 кабинета сидела одинокая я и задумчиво жевала ногти.

– Ой, Варечка, а где все?

– Допы кончились.

– Как?! Уже?

– Уже. Жить будешь, ему не до тебя.

И мы ушли домой. И мы праздновали Новый год дома. А Барс в новой «решетчатой» квартире. Пострадавший был физиком, и, в свою очередь, успел оттяпать обидчику лишнее ухо, так что наступающий эти двое встречали вместе.

Так я узнала, что математики и физики – как две равновеликие фигуры в шахматах – вечно пытаются друг друга сожрать, но не очень могут.

Все вышесказанное – мои не самые удачные попытки обшутить ситуацию и, излишне не вдаваясь в подробности, ее описать. Не хочу, чтобы Барс обижался. Однако тогда произошедшее произвело на меня впечатление и заставило сделать некоторые выводы.

Первое и самое главное – максимализм среднего возраста, когда дети, которым нередко за сорок, вполне взрослые и более чем разумные люди, – существует. Второе: шутки про вражду математиков и физиков не шутки. И третье: я живо прикопаю того, кто возьмется осуждать моего любимого учителя за его действия. Пожалуйста, все вопросы к автору сего произведения. Он не рассказывал вам причин случившейся ссоры, он разукрасил все так, как пожелал, а еще он действует по принципу: «Я свою сестренку Лиду никому не дам в обиду, ну а если будет нужно, я и сам ее побью». Категорически запрещается осуждать героев, потому что автор их любит. И автор сам распорет брюхо тому, кто все же осмелится. Автор не хочет встречать Новый год в кутузке, не доводите.

После случившегося встал вопрос об увольнении Барсикова. Начальство давно задумывалось над тем, насколько рентабельно сосуществование в одной клетке с Барсом, даже если Барс ученый. Что называется, выучили на свою голову. Сказки тот, может, и рассказывал, песни заводил направо и налево, но вот по цепи ходить отказывался наотрез. Стоило ему унюхать, что в Лукоморье не порядок, он шел напрямик к директору, к ректору института, при котором числился Лицей, писал письма, ссылаясь на статьи УК РФ... В общем, мало того, что дрессуре не поддавался, так еще и всячески препятствовал культурному беспределу. И вот Барс, можно сказать, сам подписал себе увольнительный – грех не воспользоваться.

Однако не тут-то было. На педсовете, когда вслух озвучили предложение обезопасить общество от этого зажавшегося пушистого субъекта, весь состав математиков Лицея встал и сказал, мол, пожалуйста, увольняйте, но тогда и нас.

После Нового года мы с Яной как раз обсуждали эту ситуацию. Яна каким-то образом втиснулась в детские качели и теперь не могла выбраться обратно.

– Варя, ну помоги – дай руку.

– Неее, сама застряла – сама и вылетишь через недельку-другую. Жди попутного ветра! – подтрунивала я, – я же в детские качели не лезу...

– Так ты не лезешь, а не влезла!

– Щас как дам больно! – наигранно-сердито заворчала я и оттянула средний палец, – знаешь, что такое фофан?

– Это нечестно! Нельзя обижать человека, находящегося в уязвимом положении!

– Ладно, – вздохнула я и протянула ладонь, – вылазь.

Когда мы уже шли к метро, Яна вдруг спросила:

– Что думаешь насчет всей этой ситуации с Барсиковым? – отвечать не хотелось, – ты бы расстроилась, если бы его уволили?

– Не знаю. Ничего не думаю, – честно ответила я и, поразмыслив, добавила, – пожалуй, такой исход был ожидаем, но для меня неприятен. С одной стороны, ведет он себя, как ребенок, с другой – без него скучно.

– А мне бы Николая Васильевича не хватало...

– Сам дурак.

– Знаю, но все равно...

Глава 11. Календарь

«Вы совершенно правы, только в другом вопросе» – народная мудрость

– Варя, вы же придете на следующей неделе? Уже февраль, а у нас все еще не готов календарь к новому году.

Я ногтем ткнула только что скрученную из бумажных лоскутков свинку. Свинка дернула хвостиком и неожиданно-резво ускочила под стол.

– Варя! Ну аккуратнее!

– Извините, Ирина Васильевна. Придем. Мы с Яной точно, а эти, – я кивнула в сторону Алеши и Тимофея, мявшихся на пороге, – куда они денутся, у них здесь, можно сказать, медом намазано...

– Что ты имеешь в виду?

– Да не берите в голову. Варенье они очень любят, которое с яблоками и апельсинами. И чай обожают. Придут.

Тут из-за двери высунулась знакомая лохматая макушка. «Етить твою налево! А этого какая нелегкая принесла?!» – подумала я и мысленно добавила пару крепких выражений непечатного характера.

– Варя! – в ужасе воскликнула Ирина Васильевна, – ладно – мальчики! И ты туда же! Ты-то девочка..!

Видимо, мысли на языке не удержались.

– Простите, Ирина Васильевна, кошмар вспомнился, – а кошмар и правда вспомнился, как эта самая лохматая макушка два часа назад предпринимала попытки устроиться у меня на плече. Плечо я отмывала долго, и, как казалось тогда, отмыла, но теперь бывшая уверенность поугасла.

– Нет, ты, понимаешь, такая лексика... она...

– Понимаю, Ирина Васильевна, честное слово, понимаю, и даже рот с мылом мыла... что, впрочем, исключительно пополнило мой словарный запас...

– Варя!..

– Я больше не буду. Экстренная ситуация!

– Хорошо, – неожиданно сдалась Ирина Васильевна, – вы вроде как уходить собирались, помой, пожалуйста, нож и доску. Мне останется квиллинг собрать...

Я нервно покосилась на дверь и рассудила: «Пожалуй, сюда не сунется. Такого заставить открытку нарисовать – чокнешься, а чтобы он бумажки клеил вместо своей любимой математики...»

– Нет, знаете, я сейчас вспомнила, что последнее И.Д.З. Барсикову вчера сдала.

– Точно? – Ирина Васильевна недоверчиво на меня покосилась, – не обманываешь?

– Вы что! – я постаралась сделать самую невинную из всех самых невинных морд, – разве могут лгать эти честные глаза?

– Варя, ты не серьезна! Мне, конечно, нужна помощь с календарем, но математика важнее!..

– Ирина Васильевна, мы остаемся.

– Ну, смотрите...

Я, стараясь не коситься на дверь, повернулась к Яне:

– Ян, давай еще немного посидим?

– А твое И.Д.З..?

– Какое И.Д.З.? Ты что-то путаешь! У меня все сдано! – я многозначительно скривилась, давая понять, – продолжать не стоит. Но Яна намеков не воспринимала.

– Как же это! А утром причитала, что у тебя там конь не валялся, и, если Барсиков до субботы не получит хотя бы одной домашки...

– Так ведь то утром было!.. Слушай, через весь кабинет орать некрасиво.., – и, оказавшись около подруги, я зашептала, – на дверь посмотри...

Она обернулась и тут же затараторила:

– Ой, какая прелесть! – «вставная челюсть,» – мрачно отозвалось в голове, – Он за тобой пришел!

– Ага. Пожаловал по мою душу. Ты знаешь, если он ОПЯТЬ, то я его либо прикончу, либо меня прямо на него и вырвет.

– По-моему, ты не даешь ему шанса.

– По-моему, его «шансы» – не твое дело, – отрезала я, – так что, пожалуйста, просто подыграй мне, потому что, если этот придаток увяжется провожать меня до дома, клянусь, я толкну его под машину.

– Откуда столько ненависти... вы же вроде вместе...

– Да нет же... то есть, да! Пока...! Мне вообще на него плевать, а он... лезет! Вот в чем дело.

– А зачем тогда встречаться?

– Не зачем. Уже давно бы с ним рассталась, но не знаю, как. Жалко. Его всегда первым бросали, понимаешь, он сам говорит... Ладно – потом... Так ты подыграешь? – взмолилась я.

– Варя, да прекращай уже этот цирк! – раздался голос Ирины Васильевны, – я же о тебе беспокоюсь, математика...

– Здравствуйте!

И он вошел в кабинет.

– Капееееец, – простонала я, – Яна, тащи осиноый кол...

– Ух ты! Новые лица! – Ирина Васильевна мгновенно забыла про несданную математику и переключилась на мой многострадальный крест, – проходи, сейчас мы тебя чаем напоим...

– Это с радостью! – заулыбался он, – Варя, подойдешь?

– Подойду, – проскрежетала я и заранее поплотнее сжала кулаки, – только имей в виду: у меня настроение с самого утра паршивое, Яна подтвердит.

– Хорошо. Ты подойди, поговорить надо, – я подошла, – и, если не против, за дверь. У меня к тебе Очень Серьезный Разговор. По правде, давно хотел кое-что обсудить...

Сердце в груди радостно затрепетало! Он хочет расстаться! Конечно! Давно! Значит, ему просто неловко! Как все чудесно складывается! Сейчас он скажет, что наши нелепые отношения были одной сплошной ошибкой, жалко, что так вышло, начнет мяться, стараясь не задеть мои чувства, и тогда я обрадую его новостью: «Я тебя тоже не люблю! Ни капельки!» – И мы разойдемся счастливыми и свободными...

– Чудесно! – почти завопила я, – и мне есть, что сказать, и я тоже... Словом, пошли!

До лестничного пролета, где должен был состояться наш «очень серьезный» разговор, я добежала чуть ли не вприпрыжку.

– Ну! Начинай ты, – до безумия хотелось улыбаться.

– Хорошо. Варя.., понимаешь, у нас с тобой явные проблемы... («Да! Да! Да!» – мысленно засмеялась я) – меня к тебе совсем не влечет... мне казалось, оно и к лучшему... да и ты.., словом... (я постаралась подбадривающе улыбнуться: «Давай, родной, ты сможешь, я в тебя верю!») – ...словом, с этим надо что-то делать...

– Иииии...

– И просто необходимо подумать над тем, как нам сближаться, потому что сейчас мы на пару не похожи, как ни крути! – выпалил он.

– И все?

– Все! У тебя, вроде, тоже разговор был...

– Был... Но ты же что-то другое хотел сказать..?

Он в нерешительности переступил с ноги на ногу, но промолчал. «Черт-черт-черт! Ладно. Я эту кашу заварила, мне ей и давиться!»

– Знаешь... – вдруг голос задрожал и на глаза навернулись слезы, – знаешь, – всхлипывала я и никак не могла выдать из себя нужные слова, – не-не-не-не-не, не надо меня обнимать, не то я тебе всекууу, – заикаясь, провыла я, – сейчас, подожди. Знаешь... мне просто стыдно... очень стыдно... Но я хотела сказать, что нам нужно расстаться...

– Боже, Варя, ты так расстроена!

– Я не расстроена! – завопила я, уже ничего не соображая, кроме того, что ужасно хочу, чтобы вся эта история кончилась здесь и сейчас, – мне мерзко и стыдно! – вспышка гнева немного упорядочила мысли. Я глубоко вздохнула и, стараясь не разрыдаться с новой силой, вытерла рукавом глаза, – так ты согласен?

– Да! – без колебаний ответил он, и слезы сразу высохли, – знаешь, как мужчина, я должен был сделать это первым, но струсил... Все-таки мне нравятся красивые девчонки, а не... Но ты девушка, несмотря на..., и мой долг...

– Да иди ты в задницу вместе со своими красивыми девчонками, – ровным голосом проговорила я. На душе стало совсем уже светло и спокойно, – и с долгами своими нескончаемыми иди в задницу. Знаешь, как однажды сказал мой хороший друг, там было немного по-другому, но тем не менее: «Это в твоих интересах с Ним расстаться. А обоюдно молчать можно до скончания веков.» Поэтому не гунди, ладно?

В дальнейшем опыты на людях я решила не проводить.

На следующей неделе мы с Яной и двумя ее кавалерами снова сидели в Изостудии и доделывали календарь.

– Так вот, Яна, я и подумала, что если высушить дождевого червя, а потом опустить его в воду, наверное, он оживет... Яна? – но подруги нигде не было.

И вдруг снизу постучали.

Я опустила глаза. Никого. Только большой стол. Под такой и не залезешь – крайне неудобная конструкция, со всех сторон понизу огороженная широкими дощечками, так что ноги приходилось поджимать.

– Яна?

– Я тут! – прозвучало откуда-то из сердцевины стола.

– Ты как туда попала? – ошарашено пролепетала я.

– Лучше спроси, как нам ее оттуда вынимать, – встрял Алеша.

– Как влезла, так и вылезу, – донеслось снизу, и через минуту Янина голова показалась на свет, – во, здесь дощечка отходит.

– Ого! Пусти! – тут же потребовал Алеша, и Яна снова исчезла.

Но сколько он не тужился – дальше ушей дело не пошло.

– Отойди! – наконец не выдержала я и бесцеремонно толкнула его в сторону.

– Да ты не пролезешь!

– Голова прошла, значит все пройдет!

Но, видимо, эта теорема для меня утратила свою актуальность лет десять назад. С трудом выкарабкавшись обратно, я тяжело вздохнула:

– Ладно. Пускай Тимофей пробует.

– Вот еще! Я что на идиота похож?!

– Ты кого идиотом назвал! – зашипел Алеша.

– Что у вас там опять? – донеслось из-за двери, и в кабинет вошла Ирина Васильевна, неся чайник, – а где Яна?

– Я тут!

– Ой! Моя дорогая! Это каким образом, а, главное, зачем?

– У меня сюда туча убежала, – отозвалась Яна и наконец показалась на белый свет, – нашла.

– Ладно. Надо доделывать и отдавать календарь, а то скоро уже конец зимы, а мы все никак... Варя, балбеска, ты куда клеишь?!

– Да блин, чего опять не так?

– Где блин? Давай съедим!

– Ирина Васильевна, знаете что, у меня, может, косоглазие и кривомыслие четвертой степени – ну не вижу я, в чем проблема...

– Не знаю – клей нормально! Почему у тебя лошадь над травой летает?

– Ирина Васильевна! Стыдно такие вещи не знать: «Но только лошади летать умеют чудно!...»

– Тьфу ты! Болтун и маятник! Клей уже!

Календарь мы доделали и долго еще летающая лошадь и арестантка-туча висели в кабинете завуча, а я, проходя мимо, всякий раз думала: «Наверное, каждый из нас немного лошадь.»

Глава 12. Кузнечик

«Битый час стою на месте и плюю с моста, тянет, тянет меня вниз эта высота»

Группа Чайф

Последний год до Лицея вся моя жизнь проходила на скалодроме. Не то чтобы я любила висеть на стенке вниз головой, но мне очень нравилась девушка, которая там работала, – Вика, потому, желая обратить на себя ее внимание, я в считанные месяцы освоила то, чего не могла достичь годами, оставив далеко позади добрую половину группы.

Скоро Вика уволилась, и я довольно быстро про нее забыла. Но уйти оттуда, где буквально каждый знал меня по имени, где тренер только мне разрешал приходить за 2—3 часа до начала занятия и лазать самостоятельно, задерживаться до ночи, я бы и сейчас не хотела, что говорить о девятом классе, когда внимания не хватало как никогда. Причем, я так и не стала «самой лучшей» и сомневаюсь, что у кого-то могла возникнуть мысль попытаться сделать из одутловатой невысокой девочки-подростка профессионального скалолаза, но внезапное рвение, с каким я взялась за дело, и скорость моего неожиданного прогресса, по-видимому, впечатляли.

Сегодня, когда пересматриваю старые фото из лагеря в Карелии, куда ездила с Викторией, никак не могу понять, почему именно она и чем именно она так меня заинтересовала. Возможно, дело в том что у Вики были голубые концы волос и татуировка с «бородатым Джеком» (во всяком случае, я решила, что это «бородатый Джек») на ноге, и что подтягивалась она целых 6 раз, и что общалась со мной совсем на равных, и что вставала в 5 утра, потому что я просилась в лес за черникой, а хотелось успеть на завтрак: сразу после мы всей группой отправлялись лазать, – и что по пути обратно наш отряд нередко отдыхал на берегу озера: купались и доедали остатки бутербродов; здесь на выходных, в хорошую погоду, Викины подопечные после традиционной сборки мусора устраивались у огня жарить сосиски, и что Вика соглашалась, оставив детей с другим тренером, переплыть вместе со мной на противоположный берег, и что, когда мы утром возвращались из леса с ведрами, полными черники, она нередко угощала меня сгущенкой. Мы сидели на балкончике, над головами возились ласточки (наш лагерь расположился в деревянном домике в заповеднике, и они селились всюду. Каждый год число их гнезд увеличивалось. В тот раз я насчитала 54. Хозяин дома на вопрос о пароле от вайфая выразился так: «Количество ласточкиных гнезд повтори 3 раза»). Мы ели чернику со сгущенкой, а вечерами снова устраивались на том же балкончике – молодые тренеры крутили самокрутки и смотрели на звезды, а я всякий раз «случайным образом» оказывалась там (обычно для этого приходилось караулить часов с шести вечера и до отбоя, уговаривая себя, что мне просто доставляет удовольствие кружить неподалеку). Мне нравилось сидеть рядом с этими людьми, нравился запах самокруток, нравились звезды, говорливые скалолазы и особенно Вика.

За две недели, проведенные в лагере, произошло многое. Помню последний день, когда мы рано приехали на вокзал и Иван, тренер, у которого я занималась в Москве, повел всех есть «особенные финские бургеры» – их нигде больше не продавали. Осенью мне исполнилось целых 14 лет, и мама рассудила, что снабдить ребенка некоторым количеством денег «на всякий случай» – неплохая идея, но помимо подростков, в лагере были и совсем малыши 5—8 лет. Иван это понял уже у кассы. Взглянул на голодную ораву детей, которые сами не могли себе ничего купить (и, надо отдать им должное, как один молчали), вздохнул и сказал:

– Дайте мне, что ли, 300 наггетсов и 30 кока-кол...

– Сколько?!

– 300 и 30...

А потом на кухне девушка в синей кепочке возилась у фритюрницы и удивлялась:

– Вы знаете, у нас однажды заказывали 50 бургеров..., но нагетсы и кола – такое впервые!

Помню, как мы с подружкой сидели за столиком и ели, когда к нам подошел совершенно растерянный Иван с подносом:

– Если хотите, угощайтесь. Дети, наверное, столько все – таки не съедят...

Думаю, Вике очень повезло уволиться весной того же года, повезло, что в лагере мы провели лишь 2 недели. Наверное, я просто не успела слишком крепко вляпаться. Всему скалодрому повезло, что со мной случился Лицей, что каким-то образом мое внимание переключилось на него, хотя первые полгода девятого класса я до потери пульса ругалась с мамой:

– Я буду ходить на скалодром!

– Никуда ты не будешь ходить! Ты ни черта в Лицее не делаешь!

– Да потому что скалодром важнее!

– Если скалодром важнее, то почему мы еще не вернулись в ГБОУ СОШ?!

– Пойми же, я не хочу в старую школу, но скалодром – важнее!

Кто знает, как бы называлась эта книга, не поступи я в Лицей.

После нового года я вновь вернулась на скалодром и сразу, не разминаясь, полезла на стену. Трасса оказалась довольно простой, я финишировала, не без удовольствия отметив, что шестерки еще беру, оценила расстояние до матов – метра 3—4 – ничего криминального, и отпустила руки.

Вообще, Иван просил не прыгать с большой высоты. Конечно, никто его не слушал. Прыгали все. Спускаться лазанием долго и мучительно. И вот теперь я летела вниз. Вися на стене, мне вдруг подумалось, что стоит быть аккуратней, неожиданно стало страшно. Страх подтолкнул к действию. «Откуда в моей голове эти глупости? Что за предрассудки?» – подумала я и тут же, желая развеять беспочвенные сомнения, разжала пальцы. Не хватало развить боязнь высоты. Всегда прыгала и всегда все было нормально.

Но не теперь. Приземление вышло крайне неудачное. Уже в воздухе стало понятно: падаю плохо, ровно туда, где мат, выставивший пол, шел под углом.

Нога коснулась мягкой наклонной поверхности, мат услужливо прогнулся, раздался характерный щелчок, и щиколотка вспыхнула «той самой болью». Раньше я уже ломала щиколотку, правда, другую, так что хорошо запомнила это ощущение и спутать его ни с чем не могла. Поморщилась.

– Иван, я тут ногу сломала.

Иван посмотрел на мое сосредоточенное лицо, лишенное каких-либо эмоций и с сомнением спросил:

– А ты уверена? Может вывихнула просто?

– Не, точно сломала – иди за помощью.

Через несколько минут появился врач.

– Так, ну посмотрим... Идти можешь?

– Могу, – мне помогли подняться, я попыталась сделать шаг и едва не взвыла от боли.

– Ты это..., если понимаешь, что до выхода из зала не дойдешь – мы тебя как-нибудь вытащим лучше.

«Тварь я дрожащая, или право имею...» – Прикинула расстояние – метров 10:

– Дойду.

Я и вправду кое-как доползла, но прокляла все. У лестницы на первый этаж врач не выдержал:

– Ладно, давай на спину запрыгивай.

– Вы уверены? – скептически сморщилась я, здраво оценив собственную массу против массы врача, – Я-то запрыгну, но велика вероятность, что тогда эти ступеньки станут последней вашей дорогой перед той, что в рай или в ад.

– Слушай, попрыгунья, не геройствуй и не дерзи, а не то мне придется вызвать за тобой бригаду с носилками.

– Я и не геройствую – просто не хочу садиться в тюрьму по обвинению в непреднамеренном убийстве...

– Да давай уже, тархтелка!

С горем пополам меня спустили вниз. Я сидела на стуле, а врач осматривал ногу.

– Действительно, перелом. Смотри, тебе сразу скорую вызвать, или лучше маме позволить?

– Маме..., – сказала я и вдруг обнаружила в горле ненавистный ком.

– Что такое? Больно?

– Да нет, нет – совсем не больно! Просто мама, наверное, ругаться будет...

– Придумала тоже!

Но я, неожиданно для самой себя, думала вовсе не о маме, а о Лицее. «Это сколько? Месяц? Два?...»

Травмпункт, гипс... Мама все причитала, что «нас точно не переведут в десятый класс», если «мы ко всему прочему перестанем ходить на уроки». Я сидела как в воду опущенная. В голове крутилась одна мысль: «Завтра меня не будет в Лицее... и послезавтра... и так долго!» Жизнь Там будет продолжаться, и столько еще случится – без меня! О более далеком я не думала. Иногда прокрадывалась мысль, что могут и не перевести, но телиться с паразитами привычки не имею. «Глупости. Глупости! Никуда они теперь не денутся – поздно.»

На следующий день мама отвезла меня в Лицей на машине. Я довольно неплохо освоилась на костылях, даже нравилось – только подмышки болели.

Я допрыгала до раздевалки, повесила куртку и уже собиралась «скакать» на урок, когда перед моим носом выросла фигура в белом халате:

– Добрый день!

– Здравствуйте...

– Давно это у вас?

– Вчера наложили...

– И что вы тут делаете?

– Учусь..?

– Пройдемте со мной.

В общем, в тот день маме не суждено было попасть на работу. Вместо этого она бегала от директора к врачу и обратно:

– Вы поймите, если Варя ко всему прочему пропустит месяц учебы, в десятый класс не перейдет! У нас и так оценки хуже некуда!

– Мы обязательно вам поможем, чем сможем...

Помогла Евгения Александровна:

– Не переживайте! В прошлом году пол – Лицея на костылях скакало! Некоторые учителя даже спорили, у кого в классе больше «кузнечиков»! Нормально все, пусть ходит, только на глаза медсестре старается не попадаться. И аккуратней, конечно.

На следующий день меня снова привезли в Лицей. Навык бега на костылях быстро рос, так что передвигалась я довольно живо. Перед тем, как мне вывернуть с лестничного проема на первый этаж, где можно было столкнуться с медсестрой, Алиса проверяла обстановку. Она выныривала в коридор, осматривалась и, если угрозы в пределах видимости не наблюдалось, подавала знак. Помню однажды подруга махнула рукой, я выскочила из-за угла, но, когда мы уже почти дошли до поворота в столовую, дверь в медицинский кабинет поползла в сторону. Я

жалобно посмотрела на Алису, та молча кивнула, и мы рванули вперед. Благо, при виде меня с костылями, расступались все.

Вообще, костыли открывали новые горизонты. Так, скоро я стала проверять, сколько ступенек можно взять за раз. Яна пыталась отговорить меня от безумной затеи, но это не так-то просто. Преодолеть рубеж в первые три штуки не составило труда. На четвертой что-то пошло не так: костыль заскользил, я потеряла опору и стала падать. К моему счастью, по лестнице как раз поднимался Фокин:

– Вы с дуба рухнули?! – не без труда вернув меня в устойчивое положение, сердито поинтересовался он.

Откуда бы мы не рухнули, но точно не с лестницы, спасибо, да и вряд ли тот вопрос требовал ответа.

Когда Фокин скрылся из виду, мы с Яной переглянулись:

– Скажи, Фокин – лапочка?

– Реально.

Еще одним увлекательнейшим занятием стало бегать на костылях наперегонки. Я ставила рекорды. Набирать скорость на своих двоих мне не удавалось никогда. Тут же я обгоняла и Яну, и даже Алешу, ужасно из-за этого злившегося. Так как костыли у нас были одни, равно как и один человек, нуждавшийся в них, это выглядело следующим образом: мы вчетвером (я, Яна, Алеша и Тимофей) собирались на третьем этаже, ставился секундомер. Двое поддерживали меня под руки, пока третий прыгал в противоположный конец коридора.

В общем, у переломанных конечностей обнаружилось немало неожиданных плюсов, и даже Николай Васильевич стал будто бы закрывать глаза на мои регулярные прогулы дополнительных занятий.

Но минусов было больше. Во-первых, уставали руки. Во-вторых, болели подмышки. И если первое пережить можно, то второе переживало меня. В-третьих, средняя скорость передвижения оставляла желать лучшего...

Из Лицея меня на машине забирала мама. Я пыталась выпросить право добираться самостоятельно, на автобусе, но она, отказалась наотрез. Мне не нравилась сложившаяся ситуация. Радовало, что в Лицей я хожу, однако улица из моей жизни исчезла окончательно, а наступала весна и тянула куда-то в небо, и раз уж взлететь не выходило, хотелось хотя бы насмотреться и надышаться вдоволь.

Так что нет ничего удивительного, что в один из дней, когда положено было оставаться на допах у Барса, мне захотелось провести их «в собственном порядке». Метрах в семистах от Лицея располагалась забегаловка, куда мы с Яной, если удавалось скопить денег, нередко заглядывали после уроков:

– Слушай, Ян, есть охота.

– Хорошо, Варюш, пойдем в буфет.

– Уроки кончились, дорогая моя. Он закрыт.

– Ладно, тогда я сейчас сбегая, куплю тебе что-нибудь пожевать... что хочешь?...

– С тобой.

– Варюш, а ты дойдешь? – вот это было действительно обидно.

– А с чего бы мне не дойти?

– Ну, у тебя же ноги...

– Вот на этом моменте поподробнее! У меня чудесные крепкие ноги!

– Да, только правая в гипсе...

– То есть ты хочешь сказать, что и в мои руки не веришь?

– Нет, просто сейчас допы будут...

– И ты считаешь из-за меня мы опоздаем.

– Да ничего я уже не считаю...

Через 10 минут мы вышли на улицу. Поначалу ничего не предвещало беды. Я в два прыжка перемахнула ступеньки у выхода и теперь весело болтала о чем-то отвлеченном с Яной, когда Земля поплыла из-под единственной ноги и двух деревянных палок. К счастью, подруга была рядом – обошлось без жертв, но перед нами встала преграда, способная выбить из колеи и здорового человека, – весенний мокрый лед.

– Варюш, давай все – таки...

Ну нет. Мы уже прошли половину пути, да и назад я не поворачиваю.

– Глупости! Вперед.

Ох, как было больно. Несмотря на то что моя худенькая Яна буквально тащила меня на себе, подмышки стерлись напрочь, руки ныли, последняя оставшаяся нога от меня отказалась и отключила к чертям все нервные окончания. В бескрайнем ледяном пространстве со мной оставалась только моя Яна. Она, как герой-партизан из фильма про войну, тащила на себе своего не сильно дальновидного, подбитого на обе ноги и с пеленок больного на голову товарища. Мимо нас свистели птицы, об асфальт взрывались сосульки, синее небо заволакивали зеленые почки готовящихся к новой жизни растений. Под ногами хрустел лед. Каждый шаг Яна рисковала взлететь на воздух вместе со мной...

– Оставь меня...

– Чего?

– Говорю, оставь меня, дура, я сама!

– Но ты же идти не можешь...

– Все я могу! – сказала и тут же навернулась. Благо, ни одна нога не пострадала и гипс уцелел, но зато теперь, к прочим радостям жизни, добавилась больная попа.

Неподалеку обнаружилась скамейка. Я «нехотя» поддалась на Янины уговоры и осталась ждать ее там. Минуты через три она вернулась с парой бутербродов.

– Давай поедим и пойдем.

– Ладно. Но ты понимаешь, что, если бы захотела, я бы дошла вместе с тобой, я просто не захотела.

– Конечно, понимаю.

На допы мы не успели.

Глава 13. Николай Васильевич меняет профессию, или до чего доводит биология

«Яша, не волнуйся:

Он с тобой -

Сердце успокой:

Он всегда с тобой...»

Почти группа «Секрет»

В конце девятого класса началась активная подготовка к переводным экзаменам. Гипс сняли, и теперь я бодро бегала на своих двоих. Нога «вела себя странно», но мне не хотелось акцентировать на этом внимание, чтобы «не нервировать маму». Здоровье детей всегда было для нее больной темой, и я ясно видела тридцатилетнюю себя, каждое утро начинающую с «перекачивания мячика стопой» под пристальным родительским взглядом. Нога болела при неловком шаге, то и дело пыталась подвернуться и бегать отказывалась. «Клин клином вышибают!» – решила я: «Не хватало, чтобы конечности начали указывать, как мне жить и что мне делать!» Травматолог, снимавший гипс, прочитал длинную лекцию о ношении эластичных бинтов, отсутствии активности ближайшие N миллионов лет, советовал какие-то упражнения...

– Ну, что сказали? – спросила мама, когда я вышла из кабинета врача.

– Что сказали – то сказали. Хорошо все! Осложнений нет!

Ложь не спасла. Мама то и дело пыталась заставить меня «повставать на носочки», «пяткой покрутить мячик», запрещала бегать, дышать и жить. Умирать не хотелось. К тому же за моими плечами, помимо десятка шрамов, из которых лишь один зашивали в травмпункте и то потому, что аргумент «само пройдет», видимо, не вязался с торчащей наружу костью, уже был перелом левой ноги, носа, а также многочисленные шины на всех частях меня, из-за чего я чувствовала себя необыкновенно опытной в вопросе травмированности и способной разобраться самостоятельно.

Тем более бегать хотелось. За время «костылевой» жизни я лишний раз убедилась, что больше всего на свете люблю свои ноги и никакие руки их не заменят. То, что я снова могла ходить, и было счастье.

Меня интересовало многое, но только не учеба. И если уж я не парилась из-за математики, то загружать голову глупостями вроде биологии не собиралась и в помине. На биологии Алиса предательски переметнулась к Ване. Впрочем, я не расстроилась. Ребята сидели прямо передо мной, и надежно укрывали от учительских глаз, так что можно было спокойно заниматься своими делами. К тому же Ваня, в отличие от подруги, не испытывал проблем с обще-

нием посреди урока, что мне решительно нравилось. Если не удавалось отвлечь Алису, я заводила беседу с ее молодым человеком, и мы весело гундели о своем до спасительного звонка.

Однажды за регулярные дебоши и откровенно непристойное поведение меня отсадили на предпоследнюю парту среднего ряда. За спиной оказались двое мальчиков, имен которых я к концу года так и не запомнила. Контактывали они исключительно друг с другом, а на остальных разве что угрюмо смотрели исподлобья. Я не горела желанием общаться с этой парочкой, тем более что ребята чем-то неумолимо напоминали бывших одноклассников. Несмотря на то что напрямую мальчики никого не обижали и держались особняком, время от времени их довольно агрессивные сообщения попадались в общем чате, и иногда мне приходилось слышать, как они неприязненно подшучивали за спинами одноклассников.

Парочка за спиной о чем-то шушукалась, иногда посмеивалась. Учительница их не замечала, а я, от нечего делать, стала прислушиваться к тому, что она говорила. В словах ее звучали «тревожные звоночки»: «проверяем домашнее задание», «послушаю всех». Надо было как-то выкручиваться.

Моя тетрадь пребывала девственно чистой, если не считать нескольких корявых рожиц и надписи «классная работа», зачем-то аккуратно выведенной на первой странице еще в сентябре. Конечно, можно было понадеяться, что меня опросить не успеют, но как назло прозвучало: «Начну с буквы «К». Учебники я с собой не носила. Никакие и никогда. Та забота, которой так не хватало моей ноге, доставалась спине, потому единственное, что оставалось, – надеяться на помощь соседей. Каким-то удивительным образом у них оказалось целых две книги на одну парту.

– Пссс, ребят, поделитесь, пожалуйста. Я все дома оставила.

«Ребята» скукаяще переглянулись и один из них, более рослый, проскрипел:

– Нет.

Меня подобный ответ не удовлетворил:

– Почему? Жалко что ли?

– Жалко.

– Ладно, – пожала плечами я и хотела уже было отвернуться, когда краем глаза увидела, как второй, который пониже, что-то шепчет товарищу. Рослый тихо зашуршал, второй стрельнул глазами в мою сторону и расплылся в крайне неприятной, как показалось тогда, улыбке.

Ну все. Внутренний параноик вырвал тормоза. Я не слышала, над чем они смеялись, но была уверена, что надо мной, и в ярости схватила, учебник, лежавший ближе к краю. О чтении параграфа не шло и речи. Хотелось лишь позлить обидчиков.

– Отдай, – надо же, почти прорычал, и даже угрожающе вышло. Ага, щас! Размечтался!

– Ну, на, возьми! – сказала я и издевательски подмигнула, а, когда один из одноклассников подался вперед, сию же минуту резко отдернула руку.

Такая «игра» продолжалась некоторое время. С задних парт доносилась тихая ругань и возня. Вот уже оба пытались вырвать у меня учебник, а я извивалась и корчила рожи.

Наконец рослый дотянулся до книги и вцепился в нее мертвой хваткой.

– Отпусти, сука!

Ага, шас! Я молчала и обеими пятернями крепко держала правую половину, в то время, как левую тянул на себя раскрасневшийся одноклассник.

Раздался треск. Это был переплет...

– Извините, – «нарицательное человека, чье имя ты не удосужился запомнить», – автоматически подумала я и попыталась сползти под парту, – а Варя порвала мой учебник.

«Стукаааач драный, – мысленно проскулила я, не отставляя попыток раствориться в воздухе или, на худой конец, телепортироваться куда-нибудь в Эгвекино. Учительница равнодушно окинула взглядом меня с правой половиной учебника в руке и моего противника с левой.

– Ну, сходи в библиотеку, спроси, что тебе с этим делать. Я отпускаю.

И все? То есть меня это не коснется никак? Я ликовала. Все-таки везение дураков – очень приятный бонус.

– А Варя пока успеет рассказать параграф, который вы не поделили.

То ли я не такой дурак, то ли бонусы иссякли...

Примерно тогда же произошла одна из любимых мною историй, связанных с Николаем Васильевичем. На биологии нам, редкостным разгильдяям и тунеядцам, был поставлен ультиматум: сдача схемы фотосинтеза, или аттестации вы не увидите, как своих ушей. Я решила не париться, что-то быстро заучила, как выяснилось, неверно, но, видимо, за смелость три мне поставили. Примерно так же поступила Яна.

Одним из условий перевода в десятый класс без сдачи экзаменов был закрытый на четверки и пятерки аттестат. Мне подобная лафа, очевидно, не светила, а вот той же Алисе – вполне. Светила бы она и Чиявадзе...если бы не биология.

Несложно догадаться, что в физмат Лицее большая часть учеников хорошо знали физику и математику, однако стальные предметы мало кого интересовали, разве что мою бесподобную Алису да еще горстку ребят из разных классов.

Чтобы учиться на четверки, достаточно было пахать, и пахать, и пахать в области математики, ну и немножечко, иногда, по праздникам, разбираться, что происходило в физике. Вероятно, такой «предметный геноцид» сложился в числе прочего благодаря тому, что именно среди математиков оказалась большая часть учителей, способных не только заинтересовать (к несчастью, даже самый лучший педагог, кто бы и что ни говорил, не сумеет пробудить тягу к

знаниям в любом ребенке: существуют поразительно непробиваемые личности), но и любовно дать напутственного пинка в случае необходимости.

В общем, каждая отметка выше нуля по алгебре, требовала работы. Тем более класс «А» вел Николай Васильевич и, к моему большому счастью, как выяснилось за три года, проведенные в Лицее, он был скупее черта. На бесплатные хорошие оценки.

Проще говоря, не так важно – почему, но Чиявадзе биологию не закрыл. В один из дней он с довольной рожей завалился в кабинет Николая Васильевича и уже открывал рот, чтобы, вероятно, съязвить, но..:

– Чиявадзе, до меня дошли слухи, что ты не сдал фотосинтез...

Деваться было некуда. Под пытками интегралом и кирпичом бедный Яша во всем сознался. Николай Васильевич, во избежание со стороны Чиявадзе нелепых попыток к бегству и иных компрометирующих действий, крепче ухватил подопечного за ухо и доставил в кабинет биологии. Там Барс превратился, вероятно, в Барсика и долго клялся в сознательности и ответственности «забывчивого» ученика. В конце концов наша «биология» пошла на уступки. Чиявадзе получил незаслуженную четверку. Но если вы думаете, что этим все и кончилось, то как бы не так!

Да, Николай Васильевич добился своего, однако фраза: «он все выучит» – произнесена была. В ответственность Чиявадзе Барс, по-видимому, не верил...

В один из четвергов, после уроков мы с Яной бесцельно блуждали по коридорам. Зашли на второй этаж и с удивлением обнаружили, что у Николая Васильевича горит свет. Это казалось довольно необычным. По четвергам допов не было, а задерживаться в Лицее просто так Барс не любил.

Подожли поближе, прислушались и...:

– Процесс фотосинтеза...это...это...когда вода реагирует на свет...

– Чиявадзе, какая, к чертовой бабушке, вода на что у тебя реагирует! Даже я уже выучил!

Мы с Яной дождались, пока все стихнет, переглянулись и толкнули дверь. Перед нами предстала живописная картина. За столом сидел невозмутимый Барс, обстоятельно обложившийся со всех сторон учебниками по биологии, а рядом стоял печальный Чиявадзе и бубнил: «Фотосинтез...Фотосинтез...»

– Брысь отсюда, – не поворачиваясь, устало пробурчал Барс и махнул рукой.

И мы, немножко погигикав, испарились.

Наверное, именно в тот день я зауважала Николая Васильевича. Если до этого он был мне все больше интересен и относилась я к нему как к «необычному подвиду учителя», испытывая любопытство к нестандартному поведению этого человека, выходящему за рамки моего понимания «педагога», сложившегося в общеобразовательной школе, то тогда я, кажется, впервые подумала:

– Яна, а все – таки Он крут.

(Вслух подумала).

Лицей стал тем местом, где я впервые для себя и с огромным удивлением обнаружила, что учителя-тоже люди. Помню, как в прошлой школе испытала настоящий шок, встретившись в продуктовом с «англичанином». Для меня было странно уже то, что «они» существуют за пределами школы.

Наверное, еще одно, за что я очень благодарна Лицею (и это касается не только моего отношения к учителям): именно здесь я заново научилась воспринимать людей вокруг себя и признавать их людьми. До Лицея окружающих казались атрибутами сцены, где я – прима. И тут не дозволялось ни вольностей, ни трактовок. Даже мне. Грандиозное исполнение равнялось полноценной жизни; забота о других – части исполнения.

Перемены начались с приходом в жизнь Лицея и первым «подопытным» стала Яна. Ей от меня досталось больше всех, пока я наконец не поняла, что, чтобы ни делала, делаю для себя. С осознанием возник диссонанс; не хотелось «дружить» ту же Яну, чтобы мне было хорошо оттого, что я – «образцовый друг». Тогда я решила пичкать «своих жертв» всем тем, что радовало меня, отказываясь принимать, что им может нравиться другое. Это насилие, по большей части именно над Яной, длилось долгое время, тем более она не давала отпора. Яна не была тем человеком, который стал бы отстаивать «личные границы». Но если процесс роста запущен, его уже не остановить.

Яна виделась мне идеальной «глиной» и без труда «впихивалась» и «фиксирувалась» в подходящем эпизоде. И в этом плане все выглядело безукоризненно. Вот только моя несчастная подруга особой радости не испытывала, а я это замечала. Наверное, если бы Яна напрямую сообщала, когда и что ей не нравилось, я могла бы быстрее дойти до того, до чего, по итогу, шла годами: нельзя засунуть человека в специально подобранный под него скафандр розового цвета, стукнуть волшебной палочкой по лбу и сказать: «Поздравляю! Теперь ты счастлив!» Вернее, это-то как раз можно, но колоти-не колоти – магии не случится.

Вот и выходила одна перекрученная вусмерть Яна в позе «счастливого йога». Еще по истечении нескольких лет, не переставая очень медленно и постепенно понимать, что делаю не так, я наконец поймала себя на том, что больше не хочу быть «идеальным другом», а хочу, чтобы близкие мне люди были счастливы.

Кажется, это такие банальные прописные истины, которые знает каждый дурак: «Насильно мил не будешь», «нельзя никого осчастливить против воли». А вот следовать им отчего-то сложно.

Глава 14. Дрессировка страйкболистов, или Алеша под прицелом.

«А первый номер на подаче – Владик Коп,

Владелец страшного кирзового мяча,

Который если попадет кому-то в лоб,

То можно смерть установить и без врача».

Юрий Визбор

Неподалеку от Лицея, помимо работающих морга №10 и психбольницы №15 (все верно: в Лицее нормальных нет и быть не может), располагался заброшенный корпус лечебницы. Именно туда я наведася первым делом, поняв, что поступила: пыталась отыскать плюсы учебы в физмат Лицее, но не нашла ничего интересного, кроме пары притягивающих глаз, граффити, чьего-то рваного паспорта и двух использованных презервативов. Больше приходить на эту скучную заброшку я не собиралась. Однако судьба распорядилась иначе.

Судьба явилась слякотным весенним днем в лице взволнованного Чиявадзе с лиловыми синяками на заднице. Во всяком случае, так их описывал счастливый обладатель.

Со слов Яши выходило, что у нас под боком завелись страйкболисты. На днях Чиявадзе с другом пробрались на территорию заброшки, влезли на второй этаж, где и решили устроить файер-шоу. Но, когда Яша уже подносил зажженную спичку к фитилю петарды, щелкнул затвор.

В следующую секунду спичка упала на пол, а невезучий Чиявадзе взвыл белугой. Та же участь постигла Яшиного друга. А в следующее мгновение оба уже неслись напролом через мокрые кусты, прямо по серым лужам, под улюлюканье и гогот, щелчки затворов и свист пуль.

Все это Яша рассказал Алеше и Тимофею, те, в свою очередь, Яне, а Яна мне, и вот теперь мы вчетвером кумекали, когда выдвигаться в поход. Решено было: сразу, иначе страйкболисты могли куда-нибудь улизнуть. Полагаю, наше рвение навстречу пластиковым пулям комментариев не требует. Очевидно, всему виной нехватка острых ощущений – Николай Васильевич, к слову, ваша вина – и конкуренция за звание «самого храброго» между мной, Алешей и Тимофеем.

Пробравшись через дыру в заборе, мы, видимо, от страха, поутихли. Первым шел Алеша, за ним я, за мной Яна, а замыкал процессию Тимофей. Под ногами хлюпало. Алеша жестикулировал, но, так как на знаки его решительно никто не обращал внимания, спереди то и дело доносилось сердитое: «Да пригнитесь вы, олухи, черт бы вас подрал!» – и: «Варя, я кому рукой машу – топай говорю, пока никого нет!»

Продвигались перебежками. Со стороны это может показаться комичным, но мы были настроены серьезно. Алеша на карачках переползал от дерева к дереву, выглядывал, делал очередной взмах рукой. Следом бежала я. В один из таких бесконечных переходов я едва не навернулась на скользкой грязи и посчитала нужным предупредить товарищей, но в ответ получила только сердитое: «Шшшшш!» от Алешы и Тимофея, а после того как Яна благополучно достигла укрытия, раздался шлепок, к которому прилагалось несколько комбинативно-сложных непечатных выражений, весьма громкий и не менее изобретательный ответ

спереди, с искусно завуалированной «просьбой» вести себя потише, а еще через мгновение из кустов, ломая ветки, пятась, вынырнул Тимофей. Левая брючина была по колено в грязи, рубашка порвалась.

– Кажется, я его видел!

– Страйкболиста!? – оживился Алеша

– Нет, только ствол. Точнее блик прицела ствола. Мне отсвечивало...

– Тишшшш! – завопил Алеша, – сам-то не отсвечивай, а то нас заметят, – и махнул рукой, командуя Тимофею лезть за дерево.

Пока Алеша силился незаметно переползти к полуразвалившейся бетонной плите, Тимофей стал страшать нас с Яной рассказами о злобной натуре страйкбольной братии:

– Они вообще часто на заброшках играют. Арендуют и играют. И им ну очень не нравятся проходимцы! Как увидят – сразу огонь открывают! И попасть могут куда угодно! У меня у друга вот сотрясение мозга было...

– В лоб попали? – поинтересовалась подруга, поправляя волосы.

– Нет, попали-то в ногу, но падал головой, – со знанием дела произнес Тимофей и уставился на Яну в ожидании реакции и, не дождавшись, добавил, – но тебе, ты знаешь, бояться нечего. Я же с тобой. Я тебя от пуль защищу, а если не защищу, хотя бы поймаю, – и снова выжидающе уставился.

Яна говорить «Ах!» и падать в объятия мужественного Тимофея не торопилась, отвечать ничего не собиралась, а только загадочно улыбалась, размышляя, очевидно, о том, каково жить с «сотрясенным» мозгом. Зато мне было что сказать:

– А меня тут типа не существует?

– А тебя можно в качестве щита использовать. Тем более, если уж ты «типа» на кого-то упадешь, тут сотрясение всего тела будет.

– Яночка, надеюсь, страусы в твоём вкусе, потому что еще пара слов – и я зарю голову этой длинноусой птицы в песок.

– ТИШШШШ! – раздалось возмущенное шипение спереди, за которым последовал душе-раздирающий вопль.

– Попали! – в один голос ахнули мы с Яной, да так и застыли с открытыми ртами.

Вопль приближался, а вместе с ним приближался и хруст веток, и хлопанье тяжелых сапог, и вот уже можно было разобрать нарастающее: «БЕГИТЕ!!!», и вот уже появился из кустов взъерошенный Алеша, и мы побежали. Теперь впереди несясь Тимофей, за ним – Яна и я, а замыкал процессию неудачливый разведчик. Место, где навернулся Тимофей, наша, наученная горьким опытом, троица благополучно перемахнула, а вот Алеша повторил судьбу друга. Мы уже выбрались наружу и тяжело дышали, когда тот, весь в грязи, вылез из-за забора. На лбу у него назревала многообещающих размеров шишка.

– Что, попали?! – радостно взвизгнула Яна.

– Никуда не попали. Я упал, – мрачно ответил Алеша и отвернулся.

– Хорошо, что у тебя нечему сотрясаться, – не удержалась я, – а с рогом на лбу ты, может, даже более органично смотреться будешь.

– Сейчас договоришься...

– погоди, Алеша, а чего мы тогда бежали? – перебила Яна.

– Я их видел. Клянусь четвертями Барса, они стреляли мне в спину, но я уворачивался и, не без потерь, ушел от пуль!

Мы уважительно уставились на, раньше нелепую, шишку:

– А много их было? – не без зависти спросил Тимофей.

– Черт знает! В темноте не разглядел.

– Так светло же...

– Стреляли из-за кустов!

– А как же...

– Я только тени видел!

– И сколько...?

– Да не до считал я! Меня в тот момент другие вопросы волновали, знаете ли! – окончательно разозлился Алеша и, смерив нас взглядом исподлобья, затих.

Больше мы ничего не спрашивали и всю дорогу до метро обсуждали, кто храбрее. Алеша орал, что он, потому как шел впереди, Тимофей на это возражал, что тяжелее всего прикрывать тыл, а я твердила, что, будучи центральным звеном, отвечала за Яну, да и бежать мне было тяжелее всего: не отстать – не ускориться! Яна не доказывала ничего и только время от времени силилась внести свою лепту:

– А я с братом тоже однажды на заброшку ходила, и там нас страйкболисты поймали, и они...

Но нам было не до историй. Мы мерились, кто из нас больше мужик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.